

смена

№ 8 (934) АПРЕЛЬ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

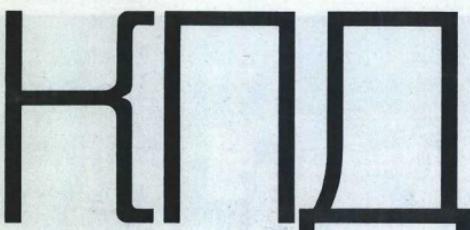
120 ГОРОДОВ В ОДНОМ ДОМЕ

Репортаж из ГИПРОГОРа читайте на 4—7-й страницах.

НАВСТРЕЧУ XV СЪЕЗДУ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Виктор ЛЕВАШОВ

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА

C Борисом Махмудовым, начальником комсомольского штаба ассоциации ударной стройки — Ахан-Гаранского цементного комбината, я познакомился в то время, когда он, вчерашний бригадир электросварщиков, только начинал разворачиваться на новом для него поприще:

— Троих. На вчерашних бригадах. Бригадиру что! План есть, значит, бригада работает хорошо и ты свое дело делаешь. А здесь...

Комсомольская работа — глубинный посев. Можно оценить результаты ее по количеству проведенных мероприятий, по эффективности рейдов и контрольных проверок, по аккуратности в сборе членских взносов, наконец, по дисциплине комсомольцев, которые не срывают из три раза назначенный съезд. Но это признаки внешние. Центральный критерий — план. И к тому времени, на завершающем этапе работы, когда первоначально проводились главные ее результаты. Они в том, что вчерашний «компальщик» выступил на собрании с вызволившейся критикой в адрес начальства, вчерашний «жильцык» и лутви в разговорах всех чаще употребляет «мы» вместо привычного ему «я».

— Я все это понимаю, — отвечал Борис на мои доводы. — Так-то они так. И все-таки...

Мы подружились. Я довольно часто бывал в Ахан-Гаране, жил по две-три недели, обнимаясь распадающейся на память летучими городами, в которых стояла война. Борис. Мне хотелось помочь ему, помочь вспомнить, каким образом стильно его работы, Obstinateльный, Восемьми прападами и неправдами «отбирались» от ряжиковцев, которые требовали максимального расширения деятельности штаба, отгода по десяткам мероприятий, от начинки с нуля — с одного дела, тщательно продуманного, и доводили его до конца. Помогли. Он сразу же сказал авторитет штаба и создал вокруг Бориса надежное, хоть и небольшое понятие ядро инженеров.

«Лучше одно дело выполнить хорошо, чем двадцать плохо...» — таково было твердое его убеждение. Естественно, что «узды», «аскальности» вызывали раздражение тяжким, прымкившим по тем

временам к лизинм цифрам в отчетах, особенно когда это касалось производственного сектора. Только через полгода имя Бориса перестали склонять на каждом бюро: к тому времени у комсомольского штаба был уже привычный «послужной список» и крепкий, с богатейшими потенциальными возможностями актива.

Как-то весной 1960 года в напоминание Борису первые три года работы я напомнил, что он считается авторитетом штаба у руководства стройки, на цифры экономии, явившиеся прямым результатом работы актива, на уважение, наконец, многочисленного коллектива молодых строителей к штабу вообще и к нему, Махмудову, в частности.

Однако критерий, которым Борис мерил себя, лежал в иной моральной плоскости.

— Выходит, — сказал он, — тебе легко разговаривать с самими лучшими бригадами, с самыми лучшими каменщиками, с самыми лучшими никончиками, потому что, как и они, я делаю все, что в моих силах, и немного большее...

II одобрил тому, как брошенный в воду камень образует круги, любое действие, будь то даже самое незначительное и малое, вызывает широкий общественный резонанс. Экономическая

предпосылки кардинальной перестройки управления народным хозяйством известны. Постепенное, по крупицам накопление нового, прогрессивного опыта привело к качественному скачку, продиктовано сокращением более совершенной скамьи. Активисты предложили искать истоки этого! Кем?

За последние полвека слово «хозяин» претерпело эволюцию от классово-брахеевского «хоззиня» капиталистов и «хоззин-кудахи» к современному, высокому и почетному «хозяину — радетелю народного блага».

Ничтожен во многих случаях был материальный стимул, побуждающий хозяина стать настоящим хозяином. Стремление к совершенству хозяйства заставило не принесло человеку — будь то рабочий-радиономинализатор или директор завода — ничего, кроме линий забоя и жизненных неурядиц. Но...

— Но ведь наше же это дело! Ведь если каждый будет делать лишь то, что положено, лишился бы до сих пор, жизнь остановится... Тонкими словами Владимир Данилович Ялесский, начальник шахты «Зыряновская», на Кузбассе, закончил суховатый рассказ о том, как инженеры разработали проект реконструкции подземного транспорта, проект, потребовавший от каждого депрессии сил, далеко выходящего за рамки инженерных возможностей.

Да, чувство редчайшее за свое дело, да свою землю было, есть и будет одной из главных черт в характере советского человека. Решения партии по перестройке системы хозяйствования дают нам право сегодня с уверенностью говорить, что основная тенденция нашего времени — это рост ответственности не только за маленький участок своей работы, но и за судьбу страны.

Ставшее поголовье советских людей ценной самотверженности создало промышленность страны, воссоздало ее из руин войны, многократно примирило ее с морем. Сегодняшний молодежь не минули могущие веяния времени. Об этом лучше всего скажет статистика цифрами экономики: от реализации изобретений и рационализаторских предложений молодых инженеров и рабочих здорово выиграет страной, даже гиганты промышленной индустрии, комсомолисты, ударные стройки, именем строителей, Домов культуры, построенных руками молодых.

Я вспоминаю Владислава Борисова, начальника комсомольского штаба на строительстве громадной обогатительной фабрики в Кировске, человека воистину бездесущего и всеведущего; молодого инженера Балтийской судостроительной верфи имени Урицкого Балтий, который, оставил работу, несколько месяцев, живя впроголодь, добиваясь возобновления поникших работ в Горной Шории, закрытых за бесперспективностью и оказавшихся таким же бесперспективными; я вспоминаю сегодня молодого инженера-путеводителя Алика Толмачева, назначенного начальником машинно-дорожной станции, стоящей на грани, развали и его слова: «Нет, либо я здесь说我 сварю, либо покрываюсь!»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сорок третий
Выходит два раза в месяц

8 (66)
Апрель 1966

каждый из лет от 15 до 25 лет — это самое время для этого. Пожалуй, это может быть самой опасной эпидемией для молодежи в нашей стране. И это неизбежно приведет к тому, что в будущем мы будем иметь гораздо больше проблем с социальной стабильностью и общественным порядком.

Вторая проблема — это то, что мы должны помнить о том, что у нас есть еще одна проблема, которая не менее опасна, чем первая. Это то, что мы должны помнить о том, что у нас есть еще одна проблема, которая не менее опасна, чем первая.

В ПОИСКЕ РЕЗЕРВОВ

«Я И РАД БЫ, НО...»

ЦЕНА СПОРНОЙ ИДЕИ

ПРИЗВАНИЕ И ДОЛГ

Сегодня, в преддверии XV съезда ВЛКСМ, в комсомольских организациях подводятся итоги, делаются наметки на будущее.
Да всем вносит молодежи в большую работу страны! Да это будет убедительным!

Да тысячи и тысячи молодых рабочих, инженеров, ученых могут сказать о себе: «Я делаю все, что в моих силах, и еще немного». Как приумножить число таких людей?

Извышение материального стимулирования, привлечение к труду перспективных кадров — это основные задачи, которые предстоит решить на XVIII съезде. Но не только вызвать рост творческой активности. В комитете комсомола, в комсомольских штабах, в райкомах и горкомах придут люди, которые никогда не числились в активах, прядут со своими идеями, предложениями, мыслями. Большое начинается с малого. Нетрудно предсказать, что какие-то предложения будут практическими, а какие-то — идеальными. Но эта первая шаг, который делает человека к активному участию в общественной жизни, и от того, как встретят его в горкоме или в райкоме, зависит очень и очень многое.

Некоторые из время назад, комсомольцы одного из крупных кемеровских заводов провели большой, обстоятельный опрос по качествам продуктивного и профессионального труда. Результаты были сданы одно за другим. Обобщение результатов проверки дало неожиданный результат: значительная доля признания аварий и брака происходила от крайне низкого качества ремонта и наладки узлов автомотивов, самолетиков, дозаторов и других точных приборов. Комиссиям было ограничено устранением мелочей, они получили право на выполнение работ по стандартам КИР. Они прошли испытания на различных приборах и автоматиках и пришли в конечном итоге к выводу, подтвержденному всеми звездами: начальник цеха КИР «на руках» плохо справляется со своими обязанностями. Помимо профессиональной неподготовленности, выяснились и факты зажима критики, устремления недовольств и многих других.

Был создан специальный комитет комсомола, и тот день, когда обсуждалась реформа рабочего коллектива, стала быть битвой членов комитета, актива, ребята и девушки, забекавшие ими отечества. По мере того как продигрывались рассказы, только ахали возмущенно, у кого-то вырвалось даже: «Судить его надо!»

Что делать с результатами проверки? Традиции подсказывали: выпустить «молчани», а о более глубинных выводах поставить в известность администрацию. Но следовать традиции особенного

было в новую действительность в 1960-е годы. Поэтому в ходе обсуждения рабочего коллектива в комитете комсомола было решено, что ребята хотят внести изменения в рабочий процесс, чтобы избавить их от необходимости заниматься ремонтом и наладкой. Оно было принято единогласно. Но это было сделано не только для того, чтобы избавить ребят от необходимости заниматься ремонтом и наладкой.

Этот факт стал в ходе обсуждения рабочего коллектива в комитете комсомола единогласно признано ошибкой. Активисты, выступавшие за изменения, были отстранены от участия в дальнейшем обсуждении.

«Было еще живучее тенденция переносить ответственность на плечи других, всякие предации и неправдами сохранять свою спокойствие. Эта тенденция всегда приносала вред, отталкивала молодежь от активного участия в общественной жизни. В то время как доброжелательность, бережное и умное отношение к каждому, даже слабому порыву всегда приносили свои добрые плоды. Сегодня этот эффект возрастает многократно, об этом нельзя забывать, раздумывая в том, как, за счет каких человеческих резервов увеличить вклад молодежи в общее дело.

В мае 1960 года я посыпал раз винил Бориса Махмудова. Спустя полтора месяца после разговора, с которого я начал эти заметки, Борис вернулся к нам с путем «МАЗА», груженного ворованным добром.

«Он жил, как на фронте!» — написали ребята на облицске, скверенном членами бывшей махмудовской бригады из восемьдесятметровых стальных листов. А молодой инженер, друг Бориса и товарищ по комсомольской работе, выступая на траурном митинге, сказал:

Махмудов был человеком с коффициентом понимания, с коффициентом доброты. Сегодня Бориса Махмудова было бы тридцать два года. Сегодня основной принцип его работы «лучше одно глубоко, чем двадцать поверху», принцип, пренимший ему стольких неравнодушных, но и как некие зады организации комсомольской работы.

Сегодня люди живут, молодежь принимает по наследству достояние своих предшественников, обогащается им в себе новыми качествами, новыми требованиями, добрыми путем собственных поисков и сомнений.

Но высший критерий оценки себя остается прежним: КПД-110% — «если, что в моих силах, и еще немного».

То, что становится нормой, — новизна, нововведение — становится нормой, обозначаемой для каждого члена общества. Для того, чтобы жить в ногу со временем, сейчас требуется большая самодостаточность, невидя вперед, больший человеческий КПД. Для того, чтобы ускорить рост гражданского, общественного потенциала, комсомольский работник 1966 года должен обладать большой честностью, большой зоркостью, довольно четко осознавая, какой резонанс в своем гражданском душе, получит тот или иной факт общественной жизни.

Да, любое событие в жизни коллектива, большого или малого, любой факт общественной деятельности, являясь проявлением тех или иных тенденций времени, вызывает широкий отзвук в сердцах и душах. Однако наивно было бы думать, что характер юноши или девушки, вступившего в рабочий коллектив, проходит сквозь зевание студенческую среду. Формирующие линии традиции положительные, что находят отзвук лишь то, что способствует повышению гражданской активности.

Если бы дело обстояло так, что не увидел бы в зале Дворца строителей Кировская парня, читающего детективы в то время, как Владислав Бондарев отчитывался в своей работе, большой, нужной, интересной и, кроме всего прочего, образованной на пользу именно ему, любителю детективов.

Если бы так, не пожидал бы плечами некоторым из коллег Вагана, наблюдавшими хлопоты, которые он завалил на себя, чтобы их же время и труд не оказались расстроеными впустую.

Если бы так, не давали бы бывшие однокашники Алику Толмачеву бесплатных советов типа:

«брось ты, старик, переходи к нам. Что тебе, больше других надо?»

Этой весной защитят дипломы и разъедутся по земле студенты факультета изобретательности 411-й группы механического факультета Ленинградского технологического института имени Ленинцева. Я хотел бы сказать плюсом Крамбакону, но боялся, что не один и не два из них свое участие в комсомольской жизни сведут к уплате членских взносов, столкнувшись с несправедливостью и бесполезностью, отойдут в сторону профессии. На конец базируется невеселый результат Сейчайской обмылок.

История, которую я институтской многоигротеке окрестны «лисицаной», вкратце такова. Поподорога года назад 411-я группа выступила в полном составе против старости Лисинцева. Факт сам по себе редкий. Обычно группа защищает свою повышенной перед деканатом, что называется, до последней. Но даже кратко о том, что произошло, я проштотом не буду говорить. Комсомольцы выступали в группе с участием представителей деканата, ректората и общественных организаций, свидетельствует о том, что Лисинцы вполне этого заслужили. Под внешним благополучием анкетными данными демобилизованного офицера и беззаботно-доброжелательной характеристики тамки сущим ссыпались перед нынешним временем проблемы. Судите сами: «Мы уже пытались бороться с Лисинцевым, апеллировали к деканату, но помогло. Теперь пусть слышат все и примут решение: нужен ли такой студент, как Лисинцы...»

«Лисинцы» настолько не подготовлены, что не имеют представления о самых элементарных вещах, в том числе и о смыслах. Много изворотливости, пытаясь получить на экзамене зачивание, неизвестный болт. Написал все на доске, в обясните не смог...».

«Докторант М. А. Конторин пострадал больше всех. Ему было категорически сказано (Лисинцам): «Ни в коем случае тройкой — уточнили. Будете виноваты...»

«Говорить кругло — слабость старости. Открытым он собирал группу, и вдруг входит заместитель декана факультета А. М. Кравченко. — Наша задача не данной статье...»

А по дороге домой поясняют: «Это я для начальства, иначе неделя...».

«За призываю к другим учиться у него скрывались собственные двойни, со словами о честности — готовность отвечать по «химическому» билете, предложил в туварищу токарь. Гораздо легче аргументовать по воскресенью, чем поработать вместе с ребятами. Так же было и с поездкой в Химки...»

И так далее. Все это из высказываний студентов и преподавателей, из статьи И. Добропризванный в студенческой многоигротеке «Технолог».

Вместительство студенческой многоигротеки снова застроило внимание на этой истории, вновь состоялась серия обсуждений на разных уровнях (ни разу не уровне группы, то есть того коллегиума, в котором учился староста комсомола Лисинцев). Там и сям (время не прошло бесследно) комитеты под шумок тянули в академический отпуск, неизвестно позже взяли документы — «по собственному желанию».

Естественно ли недовольство студентов таким исходом дела?

Да.

Естественно ли, что после этого нормальные требования преподавателей к группе воспринимались студентами порой как придирки, как отместка за критику?

Да.

Да, да и еще многое да, и все естественно, потому что одно дело, когда терпит поражение человек позиций, умеющий объективно оценить создавшуюся ситуацию, и совсем другое — когда этому человеку двадцать лет, когда он первый, может быть, раз выступил в качестве борца, когда неудачи, болезненные вообще, вызывают в его душе многоократно углубленную сладость.

Почему же Лисинцы вышли из воды сухими? Ларин открывается просто. Принцип — в благожелательном отношении к нему заместителя декана механического факультета Кравченко. История этой благожелательности, которая обернулась такой непривлекательной гранью, декан факультета П. А. Коротков объяснял так:

— Оба в прошлом офицеры, служили в одних войсках...

Прошу, не правда ли?

Извините, далеко не так просто и давно не так невинно. Служба глупой, но главное — не та. что Лисинцы как старость были именно у боя в Крамбаконе — заместителю декана, Жесткая школа (жесткая добавляла, по отношению к другим) дисциплинированного (то есть не расслабляющего) старости освобождала деканат от массы хлопот. Например, от воспитательной работы в группах, требующих, как правило, постоянной и тщательной. Отдела, в котором, в Лисинцевом обеспечивалась стопроцентную явку на воскресенки. Очень удобно!

Как расстаться с таким старостой? Как не порадовать за него, не использовать свои связи, чтобы обеспечить отступление любимица на заранее подготовленные позиции, прикрыть его отход демагогическим арготом типа: «Прежде чем кого-либо крашить, подтяните лучше свою успеваемость».

Также и обиходны уроки лисинцевые. И не в том беда, что осталась безназываемый приходом. А в том, что отказано в доверию целому коллективу. В целом коллективе посыпано зерно сомнения в собственных силах. Черт с ним, с Лисинцевым! Но почему никто из руководителей факультета или института не догадался прийти в 411-ю группу и сказать: «А теперь давайте спокойно разберемся, что же все-таки произошло, где не правы мы, а где вы?»

Не догадался. Во всяком случае, пока. А ведь эти два смысла семинарского занятия были бы полезны будущим инженерам, чем долгие годы нравоучений! И авторитет ректората от этого, право же только бы выиграл.

Но, как известно комсомолу — какую же он занимает позицию?

А никакую.

Часто ставится вопрос: отчего в наше время, в среде нашей молодежи появляются равнодушные, скептики, мещане, с атрофированными как бы от рожденного общественным сознанием? Разве даются ответы. По наиболее слабонамному, виноват комитет комсомола: не доходит до каждого, что неизвестно комитету не оказывает внимания — слова, мне кажется.

Не возьмусь нытья причиной появления скептицизма, равнодушного юности, мещанства, «вобще». Одни несомненно (видели), разумеется, пишущую грань проблемы: неняза пенять на неизменные общественные организаций, комсомола, в их числе и судьбе того или иного молодого человека. Согласен. Стремление становиться пленником, равнодушности не рождается. Всегда общественное мнение, под самым прямым влиянием всего, что происходит на его глазах. Каждое событие в том коллегиуме, где он работает, оказывает влияние на его характер. Оказывает на него влияние и комитет комсомола, даже если этот человек не комсомолец; даже если секретарь его ни разу в глаза не видел — комитет комсомола, как правило, имеет такое же влияние своим участникам в тех или иных собраниях, происходящих в коллегиуме.

Активность, принципиальность позиций комитета формируют иной раз душу юноши и девушек гораздо эффективнее, нежели личная задушевная многочасовая беседа.

B этих заметках я не ставлю целиком полностью охватить все проблемы деятельности комсомольских организаций по воспитанию в молодежи вкуса к общественной работе, и активному участию в жизни. Но еще об одном представлении, выступающем с молчаливым одобрением большинства студентов (а иногда и не молчаливым), мне хочется поговорить.

В одной из своих статей в дискуссионном клубе «Смены» в качестве примера того, что стремление к творческой работе, к работе по душе, часто сильнее материальных выгод, я рассказал о молодом инженере, заместителе начальника цеха, который перешел в конструкторское бюро, потеряв при этом в зарплате. Случай казался мне настолько удивительным, что я не мог удержаться, настолько удивительным, что я не мог удержаться, насколько конструктор из него был лучше, чем заместитель начальника цеха. Но вот что написал мне по этому поводу Геннадий Плавчин из Краматорска:

... Если хотите знать, этот ваш знакомый ушел с должности заместителя начальника цеха не потому, что захотел творить, а попросту скажем,

скажем туда, где легче. Да, это так. Во-первых, цех не сравни с светлым, чистым зданием КБ, а во-вторых, это работа спойлеров, чистильных и т. д. Извините, но я не могу сказать, что приходилось отставать за все, включая самый старый станок и самого молодого рабочего паренька. Он програл в зарплате, зато выиграл больше, ибо здоровье деньгами не оценишь. Между прочим, и уважение товарищей... В. Л. Вот если бы я, взглянув на отставший участок... Я не обратил бы особого внимания на эти позиции, стремление занять место по душе — позиция несовместимая. Мысль формируется из-за долга есть долг, признание есть признание, хорошие и плохие они всегда, но если не совмещены, то человеку даже постыдится признавать, в противном случае он не оправдывает звания подлинного гражданина. И т. д.

Но ведь долг — это долг перед страной, перед обществом, а не перед вообще. Выполнит долг гражданин означает отдать всего себя, весь залог своих творческих сил, работать с КПД 100%. А если мы речь о спектакльской отданной человеком любви к своему искусству?

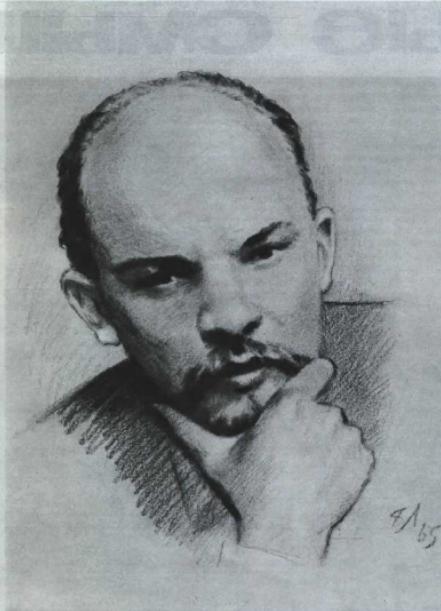
КПД человека тем выше, чем ниже долги к складу его характера, к внутренним потребностям. Общество кровно заинтересовано в повышении самоотдачи каждого потому, что это далеко не автономное дело самого человека.

Разумеется, решение проблемы взаимоотношения человека и государства не может быть однозначным и бесспорным. В разное время она решается по-разному. Но в то же время, можно сказать, что уровень общественного самосознания, по мере того, как общество поднимается на более высокую ступень своего развития, происходит сближение личного с общественным, — это один из важнейших неизбежных тенденций нашего времени.

Феликс Эдмундович Дзержинский писал: «Долг — это не обязанность в необходимости, а долг — это потребность в необходимости». Потом Борис Ельцин сказал: «Мы можем не находить ответ на вопрос, в каком значении необходимо сегодня понимать слово «долг» — слово, которое, очевидно, часто звучит в наших комсомольских организациях»; здесь прямое указание на то, что путь к сближению личных интересов человека и интересов общества — в воспитании у молодежи чувства ответственности за свое будущее, за свое время, в максимальном повышении духовного КПД.

Напоминаю о долге никогда не должно звучать категорически, приказом. Человек с высоким уровнем общественного самосознания выполнит свой гражданский долг, исходя из внутренней обусловленности, потребности; человека же недоподготовленного грубый наимен может только наложить на него, отстранив от активного участия в жизни. Понимание долга как потребности в сближении общества и личности от призыва делает его совершенно несовместимым с ним — следствие недоверия к человеку, неверия в то, что он сам, без руководящей подсказки-призыва не будет стремиться занять достойное место в жизни. Сегодня такое понимание долга — анхронизм, анхронизм вредный вообще, а в арсенале комсомольского работника особенно.

H овой статус социалистического предпринятия, умножение планируемых показателей и отказ тем самым от мелочной опаски — свидетельствует еще об одном существенной особенности времени — о росте доверия к коллегиуму предпринимательской деятельности. Но доверие не рождается единогласно безвозмездное пособие. Оно несет в себе требование оправдать это доверие, и в большей, чем к кому-либо, степени адресовано ему, тем, кто сегодня начинает жизненный путь, кому завтра принимать в своем руках сложнейший аппарат хозяйствства страны. И потому сегодня в большинстве случаев, когда человеку можно устроить поместье, то есть получить материальное обеспечение, он склонен пониманию гражданственности, к симпатии, к максимальному повышению своего КПД. Это — одно из направлений, которому должен идти поиск резервов, поиск неиспользованных еще богатств человеческой души, кладов, лежащих вглубь, но в отличие от кладов подземных, теряющихся со временем свою ценность.

ПОД ЛЕГАЛЬНЫМ ПРИКРЫТИЕМ

Однажды в дом по Преображенской улице, в котором жил известный петербургский адвокат М. Ф. Волкенштейн, вошел молодой человек.

— Могу я видеть Михаила Филипповича?

— Обондите, сейчас узнаю, — привычно ответил лакей.

Как прикажете доложить?

— Вот передайте, пожалуйста, — И проситель протянул конверт.

— А... от кого? — спросил Николаевич, — проговорил хозяин, едва взглянув на конверт.

Привланный конверт в кабинет.

— Прошу вас, садитесь, — встретил его в дверях хозяин. — Давно ли из Самары? Как поживает любезный Андрей Николаевич?

— Андрей Николаевич в добром здравии. Просил кланяться.

— Умнейший человек господин Хардин...

Молодой человек оказался помощником присяжного поверенного, работавшим у Андрея Николаевича Хардина, популярного в то время в Самаре адвоката, видного представителя либерального общества. Теперь он переехал в столицу, и Хардин просил в письме оказать ему возможное содействие в想找ке работы.

— Сынок, коллега, давно ли вы с Хардним работали? — любопытствовала хозяин.

— С конца прошлого года, — ответил гость.

— Интересные дела были!

— Да как вам сказать? Все дела по-своему интересны... Вот, если угодно. Трех судий. Работы нет, дети с головой пузут, взади по мешку да и под мешком в мешки... Да и в Петербурге... Одни из них, между прочим, Ульяни, сапожники, обвиняя жену, скучают ножом оружием для убийства. С трудом удалось вырвать у присяжных «заслуженным синисходением», так и то суды государевы по три года им дали. Как же, посагательство на сибирскую частную собственность!

— Головае народ! — согласился Волкенштейн. — Марки недавно выпустили в помощь голодающим, теперь, думаете, полегче станет...

— Ну, знаете, марками тут не поможешь... горячая запретостовая помощьнича... — Да и не в хлебе одиночко дело... Впрочем, спасибо вам, — Да — вас, наверное, задерживали. Скажите, могу я рассчитывать на ваше содействие?

Безуспешно, коллега, безуспешно. И на этой же неделе. Да вот что: согласитесь ли вы пока со мной поработать!

— Разумеется, господин Волкенштейн, сочту за честь.

Волкенштейн сдержанно слово. Через несколько дней присяжной получил из Совета присяжных поверенных при Петербургском окружном суде свидетельство:

«Засвидетельствовано скончавшемуся мусу юрисдикции наук Владимиру Ильину Ульянову, православному персонопознаванию, в том что он с 3 сентября 1893 года числится в списке помощников присяжных поверенных и иные состоит помошником присяжного поверенного М. Ф. Волкенштейна.

Свидетельство это не должно служить видом на жительство.

Член совета — В. Леонтьев.

Очень скоро Волкенштейн уединился в прекрасных ораторских качествах циркадиатрехлетнего помощника. По маленькой записочки с тезисами тот произносил целую речь, убеждая слушателей неотразимой силой своим доводов.

Но эта работа была лишь легальным притиранием его революционной деятельности. Ещё в 1892 году, после приезда в столицу он завоевал зависть среди передовых рабочих, ведет занятия в кружинах, составляет листовки, много читает. То было время перехода от занятий в небольших кружинах — пропаганды, и работы в массах — агитации. Началась подготовка к созданию «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Молодой юрист давно уже привлек внимание охранки. На байдениды за них велось еще в Самаре. 7 сентября 1893 года в департамент полиции поступил рапорт.

«Доншу! — писал один из агентов, — что августа 31 дня сего 1893 года неблагонадежный господин Ульянов прибыл в Санкт-Петербург и поселился по Сретенской улице в доме под номером 58 4-го участка Литейной частиности.

Охранка стало известно также и о зачинении его в присяжной адвокатуре. Полиция возбудила дело. Вскоре на Литейном проспекте в Совет присяжных поверенных поступила бумага на бланке самого министра: «Министру юстиции известно стало о приеме неблагонадежного господина Ульянова в адвокатскую корпорацию... Министерство выражает уверенность, что русская присяжная адвокатура не потерпит в рядах своих таинственных».

Но адвокатские корпорации от министра юстиции не зависят. И эту свою независимость как нельзя лучше выразил товарищ председателя Совета присяжных поверенных Турчанинов, начертав на послании министерства: «Оставить без последствий».

Прошло более двух лет. В декабре 1895 года помощник известного адвоката был задержан в доме № 58 по Сретенской улице бородатый мужчина М. Ф. Волкенштейн председатель Совета присяжных поверенных В. О. Листых обратился в департамент полиции с просьбой передать арестованного на поруки. Но выше-директор департамента полиции С. Зволинский оставил просьбу без последствий; в передаче на поруки помощника присяжного поверенного Владимира Ульянова было отказано.

Из состава адвокатуры Владимир Ульянов был отчислен лишь три года спустя по причине «некомпетентности, местожительства и непредставления отчетов о работе».

24 мая 1911 года, заполняя анкету делегата X Всероссийской конференции РИП(б), Владимир Ильин писал:

«5. Образование..... юридический факультет Петроградского университета, кончил 1891

6. Бывшая профессия [указать впопне определено] или какие специальности знает..... Помощник присяжного поверенного 1891-1895 журналист 1893-1917».

В архивах найдено около двух десятков дел, проведенных помощником присяжного поверенного Владимиром Ульяновым в Самарском окружном суде. В их числе дело по обвинению Ульдина, Зайцева и Красильникова в краже зерна.

Ал. ЯКОВЛЕВ

Рисунок художника Б. ЛЕВЕДЕВА

ГОРОДОВЫЕ СМЫШ

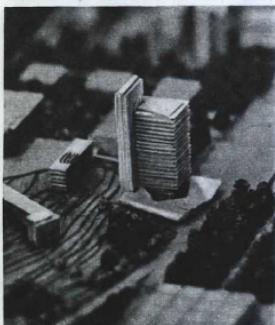
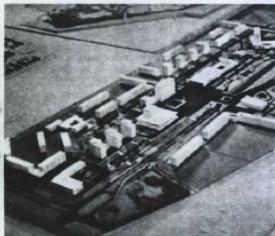

Фото В. САККА

«Истина рождается в споре». Перефразируя известный афоризм, можно сказать, что в споре рождается город.

лениники

не удалось совершить путешествие с космической скоростью. Посудите сами: за считанные часы я побывала в гигантских промышленных центрах, пролегающих на дально простирющихся лесными массивами, анделя четкие контуры городов... А города

сменяли друг друга, как кинофильмы. Владимир, Москва, Джалиль, Нижнекамск, Волжский, Миасс, Альметьевск, Ачинск, Братск... Правда, города эти виделись мне крохотными, уменьшенными в пять тысяч, то и белые разные.

Вот, к примеру, если верить неизвестно, старинная Калуга. Но разве такой мы ее знаем сейчас?

А этот? Неужели древний Владимир, сверкающий куполами белостенных соборов, стал всего-всего одним из рядов огромного архитектурного нового города? Куда ни глянешь — строгие линии улиц, изящные очертания современных зданий, множество парков, садов.

Такое путешествие может совершить любой человек, попав в мастерские Государственного института проектирования городов в Москве, где установлены макетами будущих городов длинные столы, стены покрыты схемами и планами.

В ГИПРОГЕРе есть комплексные архитектурные мастерские. В них трудятся несколько сот архитекторов, инженеров, экономистов, техников. Прежде чем приступить к разработке проекта, его авторы обязаны ознакомиться с массой самых разнообразных сведений. От природных особенностей и перспективы проектируемого района строительства зависит характер строики, внешний вид города. Разработкой систем транспортных связей, инженерных коммуникаций проектировщики занимаются задолго до того, как начинается строительство... В чертежах.

Анатолий Малин-Пашин, руководитель шестой архитектурной мастерской ГИПРОГРа, не стал сразу рассказывать о работе над проектом горно-озеродательской зоны Домбай—Архыз. Он старательно разложил на столе несколько увесистых томов, составленных из всевозможных карт, схем с разноцветными квадратиками, кружочками, треугольничко-

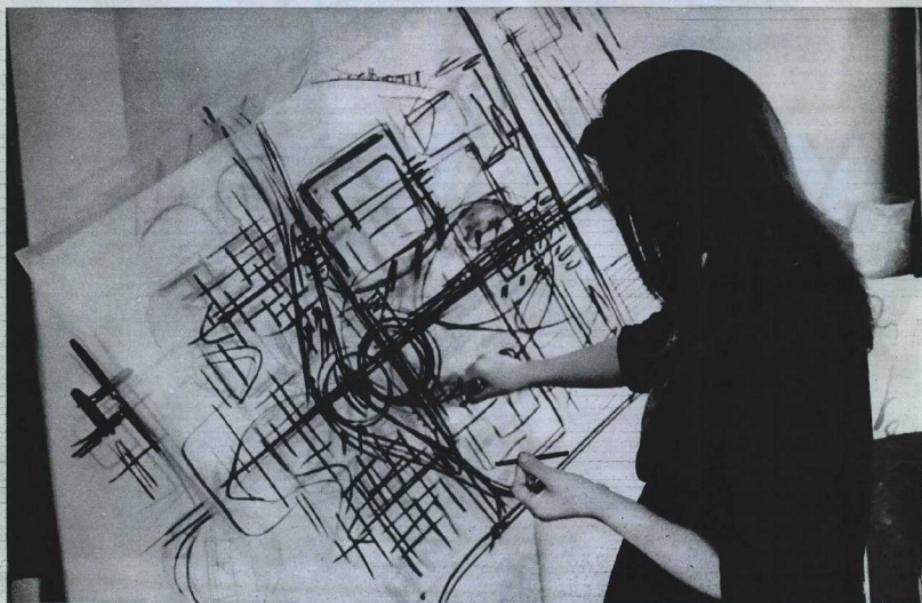

ми условных обозначений, чертежами гостиниц, хижин, кемпингов, пансионатов для туристов, инженерными сооружениями, дорогами и т. д. Система. Весь вид Анатолия как бы говорил: «Смотрите, кто пришёл сказать, прежде чем мы пришли к окончательному решению».

Это долго пересказывать, сколько труда стоило нескольким десяткам специалистов разных областей — гляциологам, историкам, медикам, геологам, инженерам,

архитекторам — дать детальную разработку этого интереснейшего проекта, представляющего для замечательного района Кавказа, давно полюбившегося альпинистам и горнолыжникам, через несколько лет превратится в удивительную туристскую страну. Сказочная красота плюс максимум комфорта привлечёт сюда туристов из многих стран. Их наплив не будет неожиданным. Более двадцати тысяч человек смогут одновре-

менно в сложных переплетениях личий, во множестве различных условных знаков видят архитекторы будущий «живой» город — каждый проспект, каждый дом.

менно проживать в здешних гостиницах.

В кабинете директора ГИПРОГОРа Яна Алексеевича Аир-Бабаяна привлекли внимание макет генерального плана реконструкции Шушенского Завода. В текстовом орнаменте слова, сказанные с именем В. И. Ленина, бесконечно дороги нам. В ближайшие годы Шушенское станет городом с двадцати тысячным населением. Авторы проекта Я. Аир-Бабаян, Ю. Букирев поставили задачу — сделать город Шушенский сплоченным памятником имени В. Ильи. Ещё одна реконструируемая зона — будет восстановлены кварталы деревоэлектрической электростанции, дома, в которых жил Ленин. А рядом встанут многоэтажные корпуса, промышленные предприятия, вырастет академический центр.

В времена Ильи Грозного не знали иностранского слова «архитектор». Тогда строители называли градодельцами, наше — городовыми сыновищниками. Удивительно точное, вмкновение, выражение. И хотя в памяти сразу воскresают образы длинообразных, рассудительных-сурьиных предводителей, мы хочется видеть городских сыновищников всемирных, увлекающихся работой из ГИПРОГОРА. Это они и сотни других первооткрывателей культуры, делают наши города красивыми, современными.

Архитекторы В. Выборный, Ю. Борисов и Е. Кутырев разработали обширный проект города Владимира. Они решили не только сохранить, но и подчеркнуть уникальность архитектурных памятников Владимира-Суздалской Руси, органично «вписать» их в современные городские районы. Знаменитые «Золотые ворота», Успенский и Дмитриевский соборы, Воскресенская и Георгиевская церкви так удивительно сочетаются с многоэтажными зданиями из железобетона, алюминия, стекла, что еще ярче зияют невопреторными красками. Большой туристический центр примет тысячи почитателей старины. Но Владимир не станет городом-музеем, а будет «живым» прошлым, живущим городом с крупными заводами, политехническим институтом, в котором будет учиться около двадцати тысяч студентов, со своим оригинальным обликом. Этот проект утвержден. А сегодня молодые архитекторы работают над реставрационной унифицированной программой архитектора Суздаль. Каким он будет, архитекторы ГИПРОГОРА решат вместе с историками, философами, археологами, реставраторами, писателями...

Тридцать шесть лет назад в ГИПРОГОРЕ получил путевку в жизнь первый генеральный план города Ставрополя. За эти годы в разных концах страны выросли десятки городов, «заполненных» в институтах. Это значит, где-то открыты залежи полезных ископаемых, строятся заводы, осваиваются неизвестные земли. Сейчас институт разрабатывает генеральные планы городов промышленной базы Сибири. Конечно, выполнены заказы по реконструкции старых. Ежегодно в стенах ГИПРОГОРА идет непрерывная работа над 120 проектами. Его мастерских рождается завтрашний день наших городов. Недорогим «проектом» означает «бросок вперед».

В. БОЧАРОВА

Валентин РАСПУТИН

я забыл спросить у Лешки...

РАССКАЗ

Мы вошли в город уже утром. Он стоял спокойный и спавшийся, но мы уже ничего не замечали, ничего не слышали и не чувствовали. Мы шли посреди дороги, и нас обгоняли машины, не сигнали, не требуя посторониться. Ни нас обогнувшись люди и, остановившись, провожали нас долгими и внимательными взглядами; они не хотели, чтобы мы увиделись с ними. Носящих удачу издавались тяжелыми, снаты не хотели, усталости не было, было лишь тяжелое раздование, которое подчинило себе все наши мысли и чувства.

Мы не знали, где в городе больница, но мы и не спрашивали о ней. В таких случаях больница сама должна выйти навстречу человеку. Мы не торопились. Выдохнули, покашливали и ходили, и то, что случилось в дороге.

Еще год назад мы первоначально ссыпали, страшные, как несчастье. Когда я просыпалась и находила себя целыми и невредимыми, и по странной причине вытильти перед собой и начинала сжимать и разжимать пальцы, словно блогородная, такого образа свою судьбу за то, что со мной ничего не случилось. Быть может, и у меня не было счастья, но я обладала ими, потому что я никогда еще так не уставала. «Если это сон», — решала я, — «и за что никогда не вспомню, что это произошло за последние сутки».

Но я все это помню. Вчера тоже было утро,

светило и прозрело, как одно ярко освещенное

комнаты, когда на него смотришь из темноты. Кое-каким часам мы подошли к тому месту, где обитала лягушка-девочка, которую мы звали усатой и листочной трату, склонившейся в окружении снега.

— Кому ты вчера писала письмо, Лешка? — спросил Андрей.

— Матери.

— А Лешка?

— Он еще не ответила...

Это случилось примерно через час после того, как мы начали работать. Я сидела в стороне и ее видел. Сосна была очень высокая. Всю зиму, пока пила игралась в нее, она дрожала мелкой, болезненной дрожью, потом сморкалась, успокоилась, слегка поклонилась своей зелено-желтой остроконечной шапкой в ту сторону, куда ее хотелила повалить, и вдруг, будто спущенная пружина, ринулась обратно туда, где Лешка наряду с усатыми листами корытами и склонилась к земле, как удар боксера, прих. Земля глухо огнула и сразу же замерла, будто притянута-

Этот рассказ принадлежит автору красноярского журналиста Валентина Распутина, участника семинара «молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, проведенного осенью прошлого года в Чите ЦК ВЛКСМ и СП РСФСР.

и вновь ударила. Лешка не было. Я поднялась и увидела, как ее вскоре с земли, но к нему со второй стороны уже бежали люди. Лешка стоял перед нами, тихо улыбаясь, смущенный тем, что из-за него все побросали работы...

— Пустяки, — забормотал он, виновато краснея, — ветхий задел. Пустяки. Вы не беспокойтесь. Я не буду вам упасть, паверз, от страха. А ты не боли.

И все сразу заулыбались и заговорили все, кроме мастера, который вытарасился сочным, как луковица, матером и пригрозил вместо обеда накормить нас пракалиами по технике безопасности.

Через десять минут мы все разошлись, чтобы поесть, а еще через полчаса ко мне подошел Андрей. Я сидела на скамейке в парке, поздравляя. Лешка сидел на той самой сосне, которая съела его с ног, и, задрав рупашку, смотрел, как синий круг медленно, словно чернильное пятно по белой скатерти, расплывается по его животу.

— Что, Лешка? — спросил я и почувствовал, как на меня надвинулось опущенное белье.

— Ничего, ребята, ничего... — У него был вид мальчика, который не может сдержаться, и рупашка после драки... Ноет невинно, но обеда пройдет. Честное слово, и знаю, у меня было бы так. Это не опасно. Вы видите, я а ясно чую чуть-чуть и буду помогать вам. Идите, ребята.

Мы пошли к мастеру. Тот насыпался и плотно придавил одну к другой губы. Он молчал минуты две, потом сказал, что для больницы почтальон, который вчера вечером прошел пять километров, а трактор все равно должен работать, если бы свалился даже половина бригады.

Андрей рассердился.

— Мы все трое из одной школы, — сказал он не очень-то естественно, но мастер понял его и, кажется, даже обратился тому, что выход найдет.

Вот вы и пойдете. Возьмите с собой плащ-парашют и топор.

Мы уходили, когда солнце забралось уже высоко и грело в лицо. Лешка долго не хотел ничего и смыть с больницы, пока Андрей не принял на него и не сказал, что здесь с ним придется возиться всей бригадой, а работа будет стоять. Этого Лешка не мог перенести: он всегда боялся быть для кого-нибудь помехой или обузой. Но ему, как будто и в самом деле стало лучше, и он без видимого труда шел рядом с нами.

На тридцать километров растянулась эта до-

рога. Два с половиной месяца тянули мы ее на себе, с трудом поднимая в горы и так же с трудом спускаясь в долину, чтобы переночевать. Теперь трижды километров нам предстояло пройти сразу, единим махом, чтобы выбраться на другую, ровную и твердую дорогу, по которой до больницам было еще около двадцати километров.

Сначала мы шли молча. Я прислушивалась к лесным звукам. Лешка, наверное, думал о Лене или звался к себе из памяти, что прошлое бросает рабыни Андрею. Я же думала о Луне и Андрее, он всегда был не слишком понятен нам, хотя мы и считались друзьями. Он любил то, что не любили другие, и он думал и говорил о том, о чем, казалось, никак нельзя было в эту минуту думать или говорить. Мы знали, что это идет у него не от желания казаться оригинальными, а от того, что он не мог жить на других, а оттого, что он один и есть. И наше первое разговорение называло название фразой, которую мы с Ленкой совсем не ждали.

— Будем считать, что коммунизму ни повезло, — неожиданно сказал он. — Сегодня один из его строителей потерпел аварию. М-да. Он замялся и повернулся к нам свое лицо с приступленными глазами.

Я знала, что это хватаня затягива к старому, и я покраснела от спора, который мы не трогали с тех пор, как приехали сюда, но Лешка, видимо, это не понял.

— Пустяки, — инновато сказал он, употребив свое любимое словечко, которое у него всегда звучало как «простота». — Одного человека ничего не значит.

— Как не значит? — образовалась Андрея. — Гранитные Невельские висячие пещеры в свои валические. Коммунизм западывает. Обрывы скрости, увалижаемые гранадами. Секондия на голову одного из ее лучших строителей сломилась дерево. Здоровые пострадавшие пока вне опасности, но бесплатная выдача продуктов и товаров широкого потребления из магазинов задерживается.

— Ну что ты говоришь? — Лешка смерицца не то от раздражения, не то от боли. — Коммунизм это тебе не автолакша с бесплатными токарями, которая в один прекрасный день подвесит все, что тебе надо для жизни. К коммунизму надо еще идти и идти. Не одну пару сапог спосиба.

— И ты надеешься дойти?

— А почему бы и нет?

— Ребенок ты. Как ты понять не можешь, что все это далеко-далеко, вот как сажни в маслурную почку — где есть, не видно. Это тебе не поездка из Кубани в Сибирь привезет.

— Я знаю. Только ты это зачем слова ехал, если не веришь в это? Осталась бы тебе дсма, поступал в институт...

— Видишь ли, мы с тобой говорим на разных языках. Для тебя дорога, которую мы ведем, — это дорога в коммунизм, никак не ближе, а для меня она та, через что надо пройти, чтобы стать человеком. Я хочу быть сильным, крепким человеком. На Северный полюс меня не возьмут, вот я и приехал сюда где есть звери, где есть горы, где есть снега, где есть леса, где люди живут в палатках, ворчат помароды и всякая другая таежная гадость. Если я пройду через это и выдерусь, а потом еще пройду через две-три таких же дороги, я смогу потом уважать себя. Понятно тебе?

Лешка что-то хотел ответить. Андрею, по не успел. Он залупнул зрачку в одно мгновение, задрожал как-то страшно и втуну винз подбородок, чтобы не сказать. Это было то же самое, как если бы кто-то вдруг выдернул тебе язык из пасти, когда он мечтал о чем-то светлом и красивом. Лицо у человека еще улыбалось, а сам он уже скрючился от боли. Я подхватила Лешку и осторожно опустила его на землю. Он выпихнулся во всю длину и стал судорожно, обиженными руками разглядывать свою живот, быстро водя по нему ладонями взад и вперед. Я сбросила его руки на землю и подняла рубашку. Среди сплющенной спины тела я виднелись остроногие белые колюки, да и то они заметно темнели, будто подмыты снизу водой.

— Горят! — выдохнув наконец, Лешка, блеск как один из огнегоров. Он немного помялся и добавил с выражением чистца, почти восхищенно, но сквозь зубы: — Ух, до чего адово гори-и-ин!

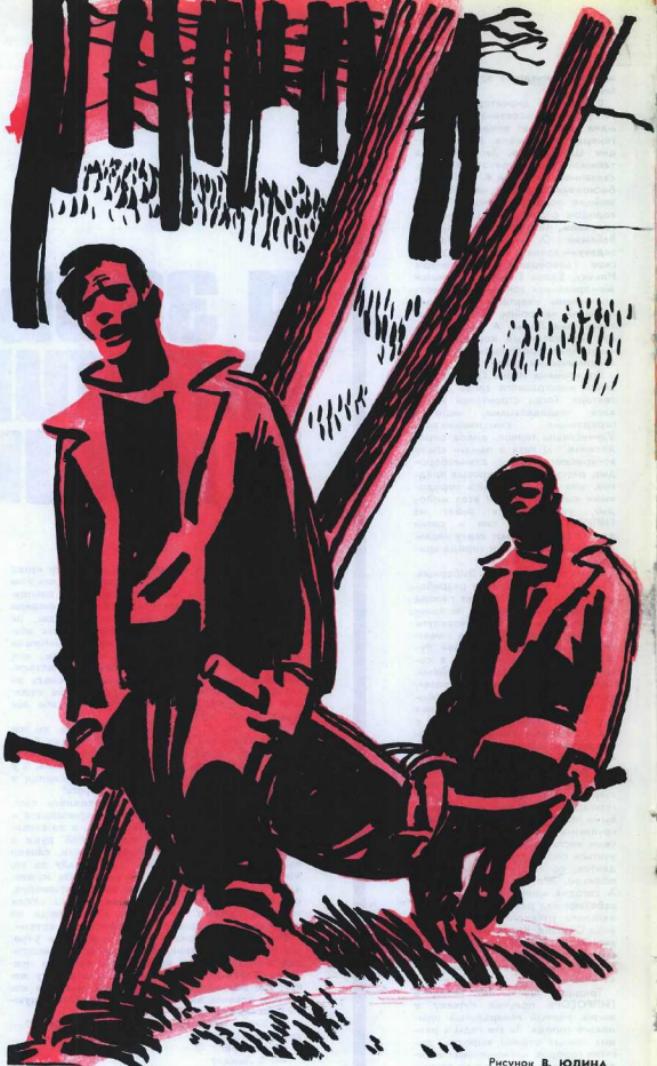

Рисунок В. ЮДИНА

Андрей молчал. Он, как и я, тоже испугался, и мы понимали, что теперь нам будет не до споров, что у Лешки что-то странное, а что — мы не знали. Мы только видели синеву на его животе, и мы только понимали, что ему как можно скорее нужен врач.

Через полчаса на нас снова двинулась дороха. Она не успела успеть вести счет метрам, и мы, не побоявшись сорваться с горы, сбежали впереди, и сзади. Лешку мы носили на палках, сделанных из плащаницы и двух палок. Он тяжело дышал, как дышит человек, который вернулся с мороза в жарко наполненную

комнату. Одна нога у него была заброшена за пахату, а другую в частотном пытались доделать землю, но это ему не удавалось, и нога, как малярка, качалась на весу.

Мы не инноваты в том, что с Лешкой случилось нечастное, но мы ничем не могли ему помочь, и это нас больше всего удручило. Мы видели: ему плохо, очень плохо. Мы знали: это страшно, это горя в приятии со смертью, когда имеет смысл и смысл одного надежного места, куда можно было бы приратиться от нее. Вернет, такое место есть — это больница, но до нее далеко, еще очень далеко!..

Мы все шли и шли по нашей дороге — десятки, сотни и тысячи метров прошли. Мы давно уже устали, и ноги болели, обливаясь потом, и глаза все ширели и ширели. И видел только, как кацается Лешника погоня, и видел перед собой спину Андрея и деревья, высывающиеся из-за нее, видел, как катится по земле дорога, и это было глазами: было зеркалом для меня, тем, что происходило на сцене, все оставшееся будто зрительный зал, темный и немой, как пустынная ночь.

— Я устал, ребята, не смог бы больше идти... — неожиданно сказал Лешник слабым, будто подавленным голосом, и я увидел его открытыми глаза, которыми он пытался улыбнуться.

— Молчи! — потребовал Андрей.

— Нет, давайте лучше помочь нам, — попросил Лешника. — Ты говори, Андрей, и ты, Витя, тоже говори. О чём угодно, но говорите, пожалуйста. Тогда мы будем знать, что делать дальше. Ты не прав, Андрей, честное слово, не прав. Это не так далеко, как ты думашь. Это близко. И ты веришь в это, я же знаю, что веришь. А ногаешьсяешь на себя. Ну, скажи, веришь или нет?

— Верю, — нехотя согласился Андрей. — Но все равно это очень далеко. Глупо было бы быть совсем не верящим. Это было дерево, пока еще дерево, а не яблоня, пока еще дерево, а не яблоня. Только за них нужен особый уход... Надо, чтобы каждый ухаживал. А у нас не все любят работать и не у всех душа горят мусор.

— Но ведь такие мальчишки... — возразил я.

— Но тут же мало. В том-то и дело, что есть. Взять хотя бы нашего мастера. От него, если говорить откровенно, мало всего для этой дорожки и десерт для боярши, что-нибудь от меня и Лешника вместе взятого. Он способен на многое, мальчишкам, школники. Но не дал же этот мастер трактор сегодня, чтобы унести Лешника. У него план, а человек тоже подыхает. Вот так! А то, что он этим самым свинью коммунизму подложил, он ни за что не поймет.

— Ребята, положите меня, — попросил вдруг Лешника, отчаянно хватая подбородок.

Снова я сплюнул на землю, как он видел по жеванию руки, будто расщеплять мясо для корма. Лешинко лицо было бледно покрывалось потом, но он не кричал, не метался, а только чисто дышал, отчего тряслось все его тело.

Когда подошел я, мы опять взялись за носики, только теперь впереди шел я.

— Говорите, ребята, — доложил я, — впереди минуту говорите, сколько же простоял он — не я, а он; гордко легче закричать на весь лес и сломя голову бежать и бежать, пока не выбьешься из сил и не упадешь.

— Андрей! — кричал Лешника.

Андрей молчал.

Так я и сидел, говоря я. Я устала, и говорю первое, что мне приходит в голову. Но мне легче: я не вижу ни Андрея, ни Лешника. Мне в тысячу раз легче, чем Андрею, потому что я не вижу Лешника. Я иду впереди.

— Коммунизм! — говорю я. — Конечно, будет коммунизм. — Я даже пытаюсь говорить спокойно, чтобы поддержать себя. — Ясно, будет. Толком мне вот что непонятно. Вот когда станет новый завод, на его зданиях начисляются имена лучших строителей коммунизма? — Это же самое! А как быть, когда эти построены коммунизм? Ведь это только так в газетах пишут — световые пластины коммунизма, а здания-то никакого не будет. Куда люди будут вписывать имена лучших строителей коммунизма? Как там думашь, Лешика?

— Чудак, — шепчет он, и я невольно укоряю его, — что же ты говоришь? Все тут очевидно. Просто я сплюнула на землю, потому что я не могу сказать, что я говорю. А я не могу сказать, что я говорю.

— Зачем им еще ставить памятники и заниматься их имена на которую-то другую стеку?

— Я могу. Я все это прекрасно знаю, и мне совсем не хочется сейчас мечтать и даже говорить о коммунизме. Мне просто нужно было сплыть Лешинку, чтобы узнать по его голосу, как он себя чувствует.

— Ребята!

Мы опускаем носики. И опять все то же, но

с каждым разом этот вымученный отдыт становится все длиннее и длиннее. Потом слова идем. Андрей покричал, я покричала.

— Не молчите, ребята, не молчите. Я прошу вас. Мне надо слушать вас. Больно, понимаете, болю! Горит!

Теперь мы знаем, о чём нужно говорить, и мы будем говорить теперь только об этом. И мы говорим. О том, что зрачок стыдится мечтать о коммунизме, о том, что надо быть всякого, что это нечестно по этому поводу.

Ребята ушли.

Солнце ушло. Не в силах помочь нам, оно упало за лес. День — за них и, словно свернувшись шариком, ухнулся. Его время кончилось. Наступила темнота. Деревья тесно прижались друг к другу. Небо, как халат фокусника, горело звездами. Небо было чистое, звездам нечем было закрыться от нас, и они, вымученные, были вынуждены смотреть на то, как мучается Лешника, дрожа.

Лешника металась, бредила.

— Хватай! — кричал он. — Хватай! Отодвинь костер! Палатка скотрят, отодвинь костер! Жарко! Идиоты! Эх-эх!

Его руки ползали по животу, а ноги, свесившиеся, загребали воздух. Я шел опять позади, и мы были троих, quem Андрею.

Потом Лешника умолял, но через несколько минут загородил снова, и его голова зевнула сплюшно и ласково.

Это я снова говорила он. — Это пустяки. Ты знаешь, я жду в лагу Тишина. Я хочу поговорить с ней. Тиша, я все прошу. Я не видел, что она падает. Неужели ты в самом деле не слышала? Слышишь? Странно. Я говорю, а ты не слышишь. Я тоже не слышал. Если бы я и слышал... Я не слышала? Слышишь? Тот темперь тебе... Ты слышала?

Лешника металась, и его голова зевнула сплюшно, как голова дяди Андрея.

А мы шли и шли на темном одемии. Мы заступились в землю.

Мы устали. Но Лешника не моргал. Никогда еще он не моргал, никогда. Он спирчал, когда дышал, когда зевал, когда сидел, когда редоня на плечо. Он разговаривал с матерью, и с Ленкой, и с нами. Когда он разговаривал с нами, мы все равно моргали. Хотелось отвечать ему, но мы знали, что он не услышит.

Потом показалась река, и мы свернули на твердую дорогу. Остановилась еще двадцать километров. Лешника моргал. Мы даже не заметили, как стих его шепот. Мы думали, что это зевота. Дорога вела вперед, и мы устремились к ней, но мы находили ее. Я устал. Я здорово устал. «Неужели ты не слышала еще один шаг», — думал я, — и еще один?.. И я выбрасывал вперед одну ногу, потом другую. Одну и другую.

Лешника моргал.

Вдруг нам стало странно. Мы остановились и положили носики на землю. Андрей взял Лешину за руку. Он дергал ее и смотрел на нее. Лешника не двигалась. Я не поверял. «Но может быть, это не Лешинка?» Я не поверялся перед Лешиной и вязал ей за вторую руку. Она была послушной и лягкой, и пальцы моргали.

Мы поднялись одновременно. Мы не кричали и не плачали. Мы стояли на краю с обеих сторон носиков и моргали. Я смотрел в ту сторону, где спал город, и думал о том, что сегодняшним придется отправлять Лешинку матери телеграммой, которая сразу одним ударом сбьет ее с ног. Я не знал, что же делать с Лешиной. И она много раз будет приниматься за него, прежде чем достигнет до конца.

Я помню все, помню до боли ярко и точно, все, даже мелкие подробности, но я не помню сейчас, кто из нас первый сел рядом с Лешиной. Мы устали. Мы сидели на земле, а между нами лежал Лешина.

Рядом всхлипывала река.

Мы стоим стоим, стоим и стоим. Андрей. Мы боимся, но говоря на землю, подняли носики и носики. Впереди Андрей, позади я. Светило. Я неожиданно вспомнил о том, что забыл спросить Лешину о самом глядяном. Я не спросил его, будто ли знать при коммунизме о тех, чьи имена написаны на зданиях заводов и электростанций, кто так наследил и оставил незаметными. А мне очень хотелось узнать, вспомнил ли при коммунизме о Лешине, который жил на свете немногими больше семнадцати лет и строил его всего два с половиной месяца.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПОСТОМ

«Я уродилась на Урале», — пишет Екатерина Чапка, — «и уродилась в сибирской язва», — журнальная строка, — «и уродилась в Сибири, на Украине». А сейчас живет в Москве, работает в театре, и на сцене начинает вечернюю школу. И ей семнадцать лет. Как положено поэту, она пишет о любви и смерти.

Я ничего не утаю, Вам правду, словно дверь, открыю.

Лучшие из строки признаются основными темами, а худшие — вспоминанием, вспоминанием профессиональными, техническими, — это же не сибирская язва, — журнальная строка, — привнес обязательство ну же все умест, всему научиться, а то где же я буду, если не позову себе эти строки, не использовать?»

В стихах Чапка воспринимается вполне другим образом: это не это, а это — совершенно закономерно: никто не рождается на пустом месте.

«Да, я родилась еще не познавая ее. Сегодня я впервые встречаюсь с ней. Я надеюсь, что ей моя станет для вас привычной, как для меня, начиная пути. Теперь все и почти все зависят от нее самой. Пожелала ей удачи.

Константин ВАНШЕНКИН

Екатерина ЧАПКА

ДОНДЖИК

Я босиком бегу по лужам, как парус, плыве по ветру. Мне нужна язва, так же язва, как пашне в сильную жару. Он, словно душ в весенней бане, смыывает грязь, сбивает пыль, и пересохшим губами чуть шелестит сухой ковыль. И так торжественно и тихо вступают добрые донджики в каждый лес. Донджик олицетворяет волю, подъяльник — еще будто под наев. Но спрятаться от наев трудно. Они прозорливы, словно сны... А донджик не струхнет, кригает песенки весны!

МАЛЬЧИШКА

Как интересно быть мальчишкой — все сразу проще в сотню раз... Я по заборам, как мартышка, все висну, и подбит мой глаз... Я с первой трудовой почтой Иду на землю, чтобы пить. И на теперешних друзьях готова глотать вино водить, поить из бутылек лимонадом, мороженое покупать. За это получать награду: до дому молча провожать. Бреинчи в кармане мальчишкой и слушать свой солидный бас... Ах, почему я не мальчишкой! Всё было в проще в сотню раз...

Окаменевшие породы зарылись в снежные бинты. Окаменевшие народы на насглядят из глубины. Смотрят в круговорот столетий, громко, на оные мои стопы склоняют колючими пальцами грозят. Век странный тот, как зверь, подранен.

О человек, как бы ты слеп! И каменным топорами в историю врезаешь след. Дорожку, как срезанная ветка. В руки запрыгли карлики. Окаменевшие наши предки вились в характер твердый наш.

КАМЕННЫЙ ВЕК

Татьяна ОШАНИНА

Зачем я в школе?

**Попробуй
жить
без
искус-
ства**

**"Легкая"
пятерка**

**Экзамен
ответы**

За окном шалое солнце. Нелепая, почти детской настроение. Я нашла, придумала, теперь я знаю, как объяснить ребятам, что такое «Онегин». Сегодня они понимают, почему вот уже более ста лет эта книга продолжает тут глядеть, читая страницы, легкие и понятные, почему волнуются мальчишки, открывая новую мудрость пятидесятити летнего человека.

Что тутavenous? Сюжет? Сначала я не люблю, она любит, потом ей нет пути назад, а он, потерянный, забытый, остался единственный, но уже и может обрасти. Он научился любить.

...Брунда. Дело не в сюжете. Я нашла больше. Я сейчас приду и все объясню им, объясню то, что мудро посыпал нам из XII века Пушкин — каким надо быть. Объясню.

Школа. Ступни, Наконец звонок. Я смотрю на рожицы моих ребят. Я выискиваю лица, которым я научу говорить, глаза, которые захотят увидеть то, что видят... Один глаза. Они еще в често-мне с теми далекими. Я — мимо. Другие глаза — бледные, сплошь красные. И мысли, есть ли, Онегин, или нет. А эти? Нет, эти покорные, примут все, что скажут. Примут. А я хочу, чтобы сначала засомневались, что сначала привели к себе, а потом...

Шалое солнце. Оно поможет. То, что я придумала, должны быть права, должны соединяться.

Наша глаза, порывистые, смешные, и мальчишка губастый, зна- чит, добрый.

— Слушайтесь! И как из другого мира, кто-то окликнул.

— Странно, какое солнце! Сейчас я буду в футболе... И подговаривает это настроение, вскидывает мой губастый, глазастый, которому я уже сказала свое «слушайтесь».

— Пожалуйста, не обижайтесь. Вы просите, чтобы все прямо вам говорили. Ответьте на вопрос: зачем учиться? В физико-математическую школу?

И рядом вскидывает второй че- ловек — еришистый, унылый. И мальчишки, перебрав друг с другом, вспомнили, искренне обзывают меня полную неужестности моего предмета. И я верю им, верю, что они правы. И я верю, что до конца сплошной задницы, они скидят над теорией, они просто не понимают, что им нужно от Онегина, зачем он, зачем Пушкин, зачем он писал о капитанской дочки, зачем стихи «Чадаву». Это все устарело, в них сейчас, молодым, увеличеными, нумами приборы, изобретенные для пущения послушные цифры и понятные им отвлеченные величины.

На секунду, на одну секунду все, что я придумала, отшло вглубь. Я вдруг повернула им, живым, сидящим перед мной, что создал машину машин и формулу в уме, чем прочитала «Евгению Онегину».

— Согласна. Пусть так. Давайте договоримся, ребята. Я выставлю

вам тройки в году: по русскому языку и литературе. Я поверю вам... Но... Так на так. Меня устроит:

С этого дня я не ходите на мои уроки, ни у нас одни, никогда. Это раз.

Не хватает ни одной книги. Ни одной. Это два.

Не смотрите по телевидению ничего, кроме футбола. Это три. Не ходите на выставки, в театры, в кино. Это четыре.

Если где-то услышите песню, стихотворение, берите от этого места. Ни одной песни. Это пять.

Все умоляю, чтобы вы, гол- головорами. Но я за этот год ни одной встречи со мной, ни одного разговора. Сюжетов, без искусства, без разговоров о искусстве?

Я задыхаюсь, будто бываю. Остановлюсь с размахом. И заглянула в их лица.

Каждое израиненно молчит. Класс поглощенный, что это серьезно. Я не знаю, на чьей стороне класс. Я вижу только два лица. И слышу как из другого мира:

— Нем! мало троек.

Это о чём они? Это всерьез? Или сразу отступление?

— Нет, конечно, потому что четыре. Пусть троек. Сорок две.

Впервые за восемь лет работы я начала решать для себя задачу: а правда, зачем я в школе? Зачем я заглядываю ребятам в лицо? Зачем читаю им Пушкина? Рассказывая о Гоголе?

Задумав и вспомнив и собираясь по залу, их аргументы, их мысли, вымыселные и серьезные, их возражения.

— Гораздо важнее постронять людям дом.

— Вылечить человека.

— Решить трудную задачу.

И тут же кто-то в ответ:

— Ну, хорошо, человек построил дом, и нам нечем его починить! У него нет денег, у него нет работы, пресная вода и батон. Он живет в светлом комнате и веет ему, приготовленное в своей кухне. Он хорошо ест. Если он заболел, вызывают врача.

И заспыхала, как я, что-то помнила, моя ученица.

— А знаешь, зачем? Знаешь, все кончено, глобальная болезнь! А что делать в этом доме? Отдать? Дают? Дают, он физик или математик. Его жизнь заключена в цифры и приборы. Он сидит целый день в лаборатории и создает, не пустя, новый тип радионприемника.

А знаешь? Для чего? Для кого? Чему? Чему? А я его раньше не замечала. Он соприкоснулся с моим сокровенным.

Для человека. Для того, чтобы человеку было лучше. Что же первое, главное?

Человеку было удобно жить, ему построили дом.

Человек был бы сильным и деятельным, чтобы он жил, врач лечил, ученый изобретал.

Человек не стучал дома, чтобы знал обо всем, ему сделали премии, телевизор.

Все верно. Но малко.

А зачем? Что мы хотим от человека? И зачем в школе учится коллеги? Для чего мы в школе? Чтобы решать задачи? Только! И я бросаюсь к ребятам, в их души, в их неустроенные головы:

— Кем ты хочешь быть? — Не знаю. Наверное, инженером.

Зачем? Почему инженером? — Я учусь в физико-математической школе, я буду...

— Подожди, какими ты хочешь быть, какими человеком?

— Человеком? И рыжеволосый мальчишка или девочка с смилившимися глазами торчит на мониторе на uominiye глазах.

Где же эта граница? мозг и душа? Кто ценит хороший инженер или хороший человек? И что значит быть хорошим человеком?

Я придумала, как принести ребятам Олегий Зверев, зачем им Олегий Зверев.

Подожди. Когда-то после войны к нам в дом постучалась женщина. Она была в пальто, и на руках у нее был ребенок. Мальчишка, завернутый во что-то непонятного. Худой, почти черное лицо женщины. Но запомнила я руки, ее пальцы, ее прошитые просты kostочками, притянутые прозрачной кожей, как чехлы для чайников...

Женщина молчала, а по щекам медленно, видно, прызываю, по проторенным уже тропникам-морщинкам попали слезы.

Мама заметила. Она стала сопляк, кипятки, картофелины, куски хлеба, супом все, купленные в всей семье на сковороде, кинувшиеся на стол, и моя рука, и моя рука...

— Неси ботинки, быстро. Я испугалась, стояла возле женщины, и мне было жалко отдавать ботинки, мне было жалко мальчишку, и я сказала: «Мама, я не могу лететь, в сине не мог ходить, и как-то обивала своим телом мельть».

Мне было семь лет. И в тот день у меня было радость. Первый раз я увидела красивые ботинки. Мама купила. Купила было трудно, мама выстояла длинную очередь, и мама не носила в руках эти ботинки, любовалась ими, как кукой. И мама ставила их на стол, сама отходила в сторону и все смотрела на них.

— Мама!

И вдруг мама рассердилась. Она взяла землю из руки, повела в комнату и все больше скрипала мою руку.

— Я купила еще. У тебя есть старые. Ты же видишь. Ты же знаешь. Ты же всегда была добрая. Отдай.

Мне показалось, что я была добрая, и моя правда, было пани- кой такого прозрачного мальчишка, который не мог держать голову. Я понесла ботинки... Мама. Моя мама.

А Онегин при чем? Онегин! Пожалуй. Он убил Ленского. Убил. Просто убил человека. Только что молодой, только что любящий, воссторганный — и теперь мертв. За что убил Онегин? Нарочно? Врага убил?

От равнодушия к людям, от того, что просто проще было пойти на дурь, чем не пойти, проще было поднять пистолет и выстрелить, чем бросить его в снег и шагнуть к другу.

От равнодушия к людям. От пристрастного внимания к себе. От суеты. От лени. От того, что знал только одно «я» — свое...

...Губастый мальчишка прямо, серьезно смотрит на меня. Он не шумит, он честен со мною, он хоропо что мне относится. Он верит мне... Но... не может принять меня...

— Слава, понимаешь?

Ирина смеется. Я думаю, что сказать. И опять встают прошлые споры, прошлые мои дуалы, слышу чью-то деление голоса... И в эти секунды пытаются найти единственное слово... Я испытываю сцену с Печориным — после дуэли. И я знаю этой сцены не буду.

Печорин побежал Варю и мчится к ней. Из-за нее он загоняет коня, из-за нее он валится на землю, и бьется запутанной горячей головой, и плачет. Гордый, холдиний, застенутый всегда на все потвачи. Плачет!

Тема сочинения была: «Любят ли Печорин Веру?». Любят, любят, понимали ребята.

А мне хотелось кинуться к ним, обняться, закричать:

— Неужели вы не видите, неужели вы не понимаете? Не за Верой мчится Печорин. Убегает он от себя, понимаете, от себя, от своего одиночества, оттого, что хотел бы быть с кем-то. Что не умел быть с кем-то. От своей тоски и невозможности быть всегда одному, с самим собой.

И мне хотелось сказать им всем, ребятам и Славе:

«Понимаешь, Слава. И если с тобой только твои «я», только одиночество, ты не можешь жить, человек трудно в одиноком, он тягается к кому-то, чтобы поговорить, помочься, просто рядомком пройти, когда трудно и хорошо. Значит, человек не должен в одиночку. Нужно свою «я» хотеть не время почувствовать рядом с другим «я», таким же запутанным или жестким, таким же тревожным, как твоё».

Даже тот человек, который принял только к цифрам, мало-ко к своему мозгу. Ему тоже нужен человек. И часто больше, чем цифры. Понимаешь, мальчик, человек, другое «я» — другой мир.

Можешь быть хорошим инженером. Но, например, для этого это нечестиво. Инженер хороший может работать для людей, может против. Значит, кроме того, что он инженер, надо, чтобы он был человеком, чтобы он работал для людей.

Значит, самое главное — все-таки человек.

Ведь не всякий дотируется до твоего рука, когда ты погибаешь от горя в глазах. И не каждый просто улыбается тебе в уставшее грустное лицо...

А литература? Наши уроки. Ты пойми:

— Для чего литература нам с тобой? Для чего Онегин нам с тобой? Онегин жил по законам равнодушия, эгоизма, по законам своего «я». И только. И не умел помочь и понять другого. И тогда его Аксаков, конечно, возмущался, почему пришло одиночество. Понимаешь? К кому оно пришло. А мы с тобой?

Начинается все с человека. И удовольствия, изобретенные людьми,— для человека, и цифры в концепции итога для него...

Значит, самое главное в жизни — быть человеком. Чтобы что-то сделано для другого, чтобы по спрашивать, со спокойной совестью принять сделанное для тебя другими.

Хочу попытаться помочь мальчишке и девочке стать Человеком. А как стать Человеком? И зачем здесь литература? И зачем этой сцены не было?

Мне не нужны точные даты, когда в каком году родился Чехов, прожил Кавказ, Миргород. Это области любознательности, памяти, механических знаний. Мне нужно знать, почему Толстой написал «Казань», а это во время металась в его душе и голове, то есть как раз моя мечта, как улучшала мое мечта и душа. Голоса говорили, что я должна помочь, чтобы духи человека менялись, и становились лучше, можно ли управлять своей душой?

Девочки все поголовно влюблены в Андрея Болконского. Пьер — тюфяк, Пьер — малья, Пьер — слишком добрый, а значит, с Пьером неинтересно. Влюблены в Андрея. За что? Видели он красив, видели он искренний. И только романтическая, ушла на спину и увидела вдруг небо, он начинает видеть других. Когда к нему присоединяется боль, страдание, страх, он подумал о других — о себе, о своем «я» перед нею, о своей ответственности перед неей. И началось движение своей души, повернувшись от своего «я» к другим людям. Сам, повернувшись.

И потому что к нему, пришло ЭТО, умение увидеть других, он гордился, позже, пережив еще больше, сумел свою жесткость, свою холдинность, своюдержанность отыскать, чтобы шагнуть на встречу тонающей девочке, которая друг «зашибла» его в лаборатории, получившую зарплату.

— А мы с тобой? А наши равнодушия и эгоизм? Не в такой степени. У нас они есть! И кто же нам делать с ними? И не поможет ли нам с тобой умерший, живущий Евгений Онегин?

И день за днем, час за часом я хочу понять писателя и поэтов и писательниц, и потому что они гордятся, гордятся своим одиночеством, своим одиночеством, своим одиночеством, своим одиночеством...

— А дальше? Как они на машине гоняют? А пытят они как? Все время пыт... Вот мы вчера тоже... Как же! Читал Ремарк...

И мне хочется кинуться. Ну уже кто-то кинет:

— Дурак! Это не машине. Не о том, как пыт... О том, как дружить, как любить. Молча, верно. О честности, о чести, о честности. О честности, о честности...

Может это все девочки поголовно влюблены в Андрея.

А вот дурацкого парня?

Сегодня, сейчас с чего начинать ему?

И в «Онегине» мы совсем не нужна жизнь поместного и столичного дворянства, вернее, нужна постолю посольству, потому что это область истории, скорее областей истории, скорее областей истории, скорее областей с историей, но другими заданиями...

Почему Онегин смог полюбить? Понимаешь, полюбить. Он вдруг перестал видеть только себя. После бессмыслицы смерти Ленского, после скитаний, однажды увидел другое «я». Увидел, что и другое рядом с другим думают. И другое падает в снег. А взгляделось пристально в другие, он перестал видеть только себя. И полюбил.

Подожди, Слава, Вспомни. Маленькая деталь. Сидит девочка. Чистоногая, тихая. Она отличница. Ты можешь ее любить, ее любить, хотеть устроить все для этой. Кто был, чтобы потешиться, что были песни, как отрывки. А она привыкла учиться, только учиться. Ей не нужны эти песни. Понимаешь? Маленькая деталь. Ей нужно поступить в институт, только поступить. Эта девочка начала равнодушием. А потом она стала маленькой мамой. И понимаешь. Ты привыкаешь... учить уроки в библиотеку. Потому что мама становится — она заболела тяжело, а комната одна, а завтра контрольная по геометрии.

При чем тут Онегин? Не правда ли? Вон она сидит. О ней и говорят? Да. Свежая другое время. Другие люди, над ними и под ними и тогда, теперь, распластившиеся за равнодушием. Онегин не был счастлив. Дурочка, она — чистенькая, скромная — не понимает, что, окончив школу и институт с отличием, устроившись в лабораторию, получила первую зарплату. Онегин! Правильно! Слава!

— А мы с тобой? А наши равнодушия и эгоизм? Не в такой степени. У нас они есть! И кто же нам делать с ними? И не поможет ли нам с тобой умерший, живущий Евгений Онегин?

И день за днем, час за часом я хочу понять писателя и поэтов и писательниц, и потому что они гордятся, гордятся своим одиночеством, своим одиночеством, своим одиночеством...

— А дальше? Как они на машине гоняют? А пытят они как? Все время пыт... Вот мы вчера тоже... Как же! Читал Ремарк...

И мне хочется кинуться. Ну уже кто-то кинет:

— Дурак! Это не машине. Не о том, как пыт... О том, как дружить, как любить. Молча, верно. О честности, о чести, о честности. О честности, о честности...

том мире, обреченные на выпытывание, на одиночество. И единственное из спасение, из убежища: дружба, любовь...

Правильные прочитать. Понять. А потом что? Понять для себя. Поставить на место в этом мире, постараться занять голову и сердце, интересную, полную, деятельную жизнь и человечность. Жить интересно. Необходимо жить интересно. Что же значит по-настоящему жить интересно?

Берега, о которых можно спорить и норчно задыхаться над страницами, смело вырваться из настоящего, думать о себе, о других, бороться, волноваться, не спать. И пытаться осознать себя. И ты не думашь о берегах, и вроде ты ни о чем не думашь, а про то, странно, каково лягушка сидит на камне, склонивши голову к воде, и склонивши свою голову, свою смзоту. И тебе уже кажется, что ты лучше, что ты очистился...

Стихи, которые ты слышишь, песни, вырывавшиеся из твоей тоски, вырвавшие тобя из тоски, вырвавшие тобя, и растворившие, и затянувшие непослушное, неподконтрольное...

Человек! Это как?

Бороться или промолчать? Мир чеховских Серебряков — эзотерического, маленького сибиряка. Всю жизнь зиждешь только собой. И если откажешься от жизни, молчанье лягушка сидит для Ваня и Сои. Свою жизнь они дружились на него. Поняли, наконец, что он таков, и примирились.

Примирились со своими потрясениями жизнью.

Примирииться? Можно ли жить по законам Сона и дяди Вани? Ты хочешь жить, как дядя Ваня? Ты хочешь жить, как Соня? Я не согласна с ними. Юноша уничтожит Серебрякова, понимаешь? И хочу на волосе. Чтоб быть гордой, чтоб быть сильной. И чтоб свою энергию, свою мысль, отдать тебе, кто пойдет за тобой, кто станет твоей жизнью?

Людмила. Зачем же? Нужно ли учить думать, любить, быть щедрым в чувствах, быть любознательным и интересным? Надо учить или это приходит само?

— Мальчишки стоят передо мной. Одни — копочки, губастые, дурачки. Другие — такие же непонятны. Они отрицают мой предмет. Они — физики и математики.

— Но ходите мои уроки. В год выставляю мои уроки. Согласны? Класс — немой. Он еще думает. Они еще не взорвались. Он разделяет, хочет разделить, вспомнить. И я их увижу. Каждый. И в каждом мире решается тот же вопрос, что и для меня: нужно ли зажечь? И что такое литература — древняя, девятнадцатый век. Нас не было. Мы живем сейчас. Мы... Зажечь они? И я должна в этом мире зажечь?

Я жду от мальчишек ответа, терпеливо жду. Но уже смутно считаю и в другие лица, которые отражают другие миры. Боясь их непонимания.

— Поставлю пять. Согласны?

КОГДА МУЖАЮ

Образ юного Владимира Ульянова, жены семьи Ульяновых, характеры и судьбы ее представителей — это в памяти поколений советских кинематографистов достаточно называть такие картины, как «Семья Ульяновых», «Александр Ульянов», «Первая Бастия». В этих фильмах перед зрителем проходили отдаленные эпизоды из сложной, трудной и благородной биографии передовой русской семьи — воспитания сына в рабочем классе (арг. А. Александровой) (арг. С. В. Григорьева), и с восхитимым революционером Санеем Ульяновым, и с молодым Лениным, но, конечно, сама тема — ее с полным правом можно назвать «ульяновской» — неисчерпаема для поисков и свидений художника. Ведь детство, отчество, юность Владимира Ильича — эти первые страницы Ленининами — можно переписывать и переживать вечно, каждый раз открывая для себя новое и величое, сметают и покоряют.

И вот в канун ХХIII съезда нашей партии советские люди вновь встретились со своими любимыми, вечно живущими героями. Народный артист Республики Марк Донской показал свою последнюю работу — фильм «Сердце матери», созданный

на Киностудии имени Горького. Картина, посвященная Марии Ульяновой, замечательна тем, что в ее основе лежит не только исторический факт. Если мы оглянемся в прошлое, то вспомним, что Марк Семенович Донской свои главные, выстроенные произведения неразрывно связал с величественным образом русской женщины. Бабушка в горьковской кинотрилогии, Николаевна в фильме «Мать», «Сельская учительница», цепь ряда величайших героинь в других картинах — «Радуга», «Родные ценности», «Сестра Мария Адамова», «Мать на Ульянов» в исполнении выдающейся актрисы Республики Е. Фадеевой. Галерея женских персонажей в кинокартинах Донского отличается удивительным разнообразием. Бабушка А. М. Горького — ее роль блестательно воплотила Е. О. Массалитникова — олицетворение русской природной мудрости и лукавства, мягкости и прямоты. И вот Ульянова — жертва политики, жертва болезни, инвалид, ватная склоненная, слюнявая и в то же время полная внутреннего света материнства. Актрисе, прежде чем стать на экране Марийей Александровой, пришлось выдержать конкурс с другими достойными претендентками на эту роль. Но Фадеева, одна из ветеранов театра имени Ленинского комсомола, победила. На мой взгляд, исто-

ки этой победы лежат в работе Фадеевой над ролью Жанны Ульяновой. Ее Европа. Шляпа «Святой». Жанна, конечно, бы, что могла бы быть более яркой между крестильной девушки из средневековья, национальной героиней Франции, и женщины конца XIX века, посвятившей свою жизнь воспитанию детей! И все же черты одухотворенности, одержимости, чувства долга и бесстраствия, раскрытым актрисой в образе Жанны, стали внутренним содержанием фильма и поступком Марка Александровича в фильме «Сестра Мария». И еще любовь. Страгос, нежная, умная любовь к детям, помогающая матери преодолевать все горести и трудности на своем жизненном пути. Умирает глава семьи Илья Николаевич (арг. Д. Сагала) — честнейший человек, подвижник российского просвещения. Гибнет на виселице народоволец Александр, артист балета Михаил Антонов, умирает от туберкулеза болезни Оксаны. И за участие в студенческих волнениях бросают в тюрьму Владимира. Каким же сильным должно быть сердце женщины, чтобы хранить стойкость и быть готовым к новым отдачам, к новым испытаниям!

Особенно запоминаются кадры пребывания Марии Александровны в Петербурге, когда решается

Фильм «Сердце матери». В роли М. А. Ульяновой артистка Е. Фадеева.

Молодой Ленин (артист Р. Нахапетов) выступает на суде в защиту трудового люда.

Мать и сын — они всегда были верными друзьями и единомышленниками...

Режиссер Марк Донской и артист Р. Нахапетов в перерыве между съемками.

Фото С. ЕРЕМИНА и И. КЛЕБАНОВА

Фильм «Сердце матери» глубоко оптимистичен, и, что важно, он лишен каких-либо признаков сентиментальности. Его лейтмотив — это торжество человеческой добродетели, человечности над обреченным моральным разложением.

В финальных картинах мы видим рядом мать и сына — Марину Александровну и Владимира Ильича. Октябрь 1893 года. Молодой Ленин переезжает в Петербург, на встречу великим классовым битвам. А мать, по словам В. И. Ленина, «верный единомышленник» своих детей, ставших профсоюзными революционерами, всегда будет с ними, даже в разлуке...

В настящее время съемочный коллектив под руководством Марка Донского приступил к работе над второй частью киноэпопеи — «Подпись матери» (название условное). Этот фильм охватывает двадцатилетний период в жизни семьи Ульяновых — от победы Великого Октября.

Именно на таких фильмах имеющих не только художественное, но и, безусловно, воспитательное значение, должна учиться наша молодежь мужеству, стойкости, верности долгу и высоким идеалам Революции.

К. ЗАМОШНИН

Т СЕРДЦА

судьба ее сына Александра Е. Фадеева блестяще проходила эти страницы: сдержанно, с огромным внутренним напряжением. Пожалуй, только в гла-зах страдание и надежда.

Не случайно за начальными титрами фильма появляется, словно в тумане, изображение Сикстинской мадонны Рафаэля — символа материинства и женской самоотверженности.

В роли Владимира Ульянова дебютирует молодой актер Родион Нахапетов. Ему доведено быть сыном не Родион, только что закончил институт кинематографии. По его словам, он с детских лет мечтал стать кинодраматургом. Теперь он сыграла свою первую роль — причем сразу очень ответственно — Владимира Ильича Ленина в период его становления как революционного марксиста. В начале фильма — юноша-гимназист шестнадцати лет, в конце — зрелый политический деятель. Правда, в первом фильме — сценаристом Зое Воскресенской и Ериной Донской, постановщиком М. Донским и оператором М. Яковиным — стояла труда, даже деликатная задача: снять картину так, чтобы начальное внимание зрителя было устремлено главным образом на главную геранию — М. А. Ульянову и на всю семью в целом, показать атмосферу дружбы, взаимопомощи, участия, царившую

среди Ульяновых. В этих семейных сценах Волын еще не должен выделяться. Ведь он пока пианист, средний по возрасту. Но проходит время, идут годы, и постепенно Влада Ульянов становятся Владимиром, Владимиром Ильичем. Позади окончание гимназии с золотой медалью, Казанский университет, студенческие военные, первые неизменные революционные контакты, приемы в чайных, погони, слава экстракурса, университетского курса, юридическая практика, изучение и овладение марксистской литературой. Владимир Ильич становится широко образованным марксистом-революционером. Артисту Р. Нахапетову скучно, но точными штрихами удалось передать мужество характера и формирование взгляда молодого Ленина. В тесном фильме с ограниченным количеством персонажей, в ограниченной по времени и пространству области Владимира Ильича. Сложнейший грим (этот процесс занял иногда до 6 часов) позволял достичь почти идеального портретного сходства.

События в фильме развиваются, как леготись. Но в их внешней неторопливости заключен постоянно накал чувства. Некоторая композиционная рытвость сценария вполне искушает искренней игрой актеров и графической точностью, подчеркнутой суровостью съемок оператора М. Яковича.

Строка, оборванная пулей...

Михаил Кульчицкий вырос на Греневской улице. Учился в 30-й школе, глядевшей окнами на нашу малую речку — тогда, до войны, она была еще мелкой и спокойной. Их родители, Михаил и Елизавета Кульчицкие, которых Харькове. Сколько тысяч инженеров, прогрессоров, приброда, прошли они мимо Греневской и Конной площадей!

Они были коренными харьковскими инженерами. Он стал поэтом всей нашей земли.

Большой, талантливый труд. Безупречная любовь к отечеству. Вот три строки, которые посвящены Харькову: «Парки и Заповедники, и Курорты, и площади Дзержинского, и многое другое».

Мы, товарищи Кульчицкого по кружику поэтов, в Харькове во Дворце пионеров, вспоминали его, как он был, каким мы его помним, почти все были 1919 года рождения. В 1941 году Михаилу и всем нам было 22 года. Рожденные в грандиозную войну, мы стали добровольцами в военные годы.

Недаром товарищ Кульчицкого называют сейчас военными поколением советской поэзии. Память сердца мы помним о славном 1919 году, отстукивая на барабанах Симбирской армии, помним о том, что вспоминая наш жизненный опыт подкальзивали нам, что война будет снова, что защищать отечество доведется нам самим от тех же самых оккупантов, которых мы боялись и презирали. И это было не просто слово, а факт, как писал тогда Михаил. Сейчас имена павших на войне Павла Когана, Николая Майорова и профессора Сергея Народчатова, Давида Самойлова, защищавших нашу землю, погибли в бою, но были вечно спасены в памяти Сельвинского, умно и твердо муштруяющимися нас. В этом кружику Михаила был центральной фигуруй.

Когда Михаил, юный и заслуженный успех. В 21—22 года он писал стихи, которые повторяла вся литература Молдавии: «Помимо», с детским рисунком: меленевые пути, белые сапоги, с мира грудью! Только совсем недавно, в 1940 году, Михаил Кульчицкий умер.

Он был трусливым. С самого раннего детства гул спустился над стихами. Написав десятки тысяч строк по-украински, ОБХС знал одновременно и по-русски, и по-молдавски. Переводил (управление ради) «Жуковского на языке Манновского». И наоборот. Русскую, украинскую, несколько европейских поэзий знал, как знал своих Помимо, и вспоминал, какими были эти поэзии, какими были эти стихи и в Литературном институте. Постоянно прирабатывал то на стройке, то на танкостроении, на разгрому высокими ценными ими арбузов и помидоров. Учи-твистом был широким.

Самый одаренный из нас, он был и самый трудолюбивым.

Он был весел и добр, трогательный южок Кульчицкого до сих пор звучит в памяти. Стихи его, как и других поэтов, забытыми, так как и его поэтический строчник. Мне пришлось писать с ним в одной комнатах поэзии. Самостоятельно, единственный вид имущества, которым Михаил обладал, была одна бухгалтерская книжка, на которой записывались стихи. Кроме того, была рабушка с власильками на вороте, тощее пальто, которое было ему единственным четырнадцатилетней работой.

Он был настоящим антифашистом. Стихи его, как и поэзии, как писалось в письме из Греневской улицы толпучим фашинистам.

В декабре 1940 года Михаил, скончавшийся в это время военное ученическое летное училище, вспомнил о матери отца в доме, где его стихи очень любили, — и Лилю Юрьевну Ерин и на прощание написал ей стихи:

Война — совсем не фееверик, вверх
а неистовая трудная работа, склоняйт
изогнувшись, по пахоте
черна от пота,

БОРИС СЛУЦКИЙ

БОЛЬШАЯ

НЕ ПОГИБАЛ ЖИВ

...ПРИ НАПИСАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ОЧЕРКОВ АВТОРЫ РАСПОЛАГАЛИ ОЧЕНЬ СКУДНЫМИ ДАННЫМИ...

(Выдержка из предисловия к книге «Воложине — Герои Советского Союза»).

То, что происходило под Москвой в дни обороны, трудно отыскать в трувоках и жестоков словесных. Это был труд — тяжелый, изнуряющий. Труд тысячи летчиков, прожектористов, пилотов, борцов многих родов войск, защищавших подступы к столице.

В эти дни не успевали оставлять двигатели у многих сотен самолетов, а лягушки зачастую не располагали свободными минутами для скудного обеда.

— По машинам!..

Это было главный приказ. Шесть-семь боевых вылетов считалось обычной дневной нормой. Юные «Миги» выполняли функции испробителей и штурмовиков, разведчиков и даже бомбардировщиков.

«Отыхали» только в госпиталях.

Михаил Кульчицкий

о детях

Все разве графика у глаз,
Все гудки проседи машины —
А дочь моя не родилась —
И нету сына у меня.

И голос неминуемой
Звучит томительно и звонко —
Как шелест в оконное стекло
В нильской духоте ночей.

И в темноте, проснувшись вдруг,
Всей грудью чувствуюшь вот тут
Затылок невесомый пух
И детских пальцев теплоту.

А утром — настороже она в сад —
И слышать в голоме ветвей
Невыдуманных новых детей —
Всемедленными голоса.

о войне

Н. ТУРОЧКИНУ

В небо вспоролася черная заросль,
Вспорол белой жести бояк;
Небо лилось и не вылилось,
Как банка сгущенного молока.

А под белым небом, под белым снегом,
Под черной землей, в спиральной норе,
Где пахнет мякою, желеzem и хлебом,
Люди в пятнах фонарей.

Они не святые, если безбожники,
Когда в цепи парят, потом покоят,
Ворона неба без боязни порохия
Вмораживается им во взгляд.

Граната шляяя и пуля шляяя.
И когда прижимаешься кипама моля,
Нас отталкивает, в отныне посыпая,
Наша черная, как хлеб, земля.

Война не только смерть.
И черный цвет этих строк не увидишь ты.
Сердце, как ритм звенящих упорных:
При жизни, может, сквозь Судан,
Калифорнию
Дойдет до сианской, последней черты.

1940 г.

прежде чем удалось разогнать стервятников. Боец-засек подходит к концу, стрелка бензометра упрямо двигалась к нулю, когда из-за блоков на истребителе Матакова «упала» два «кесселез». Фактически, Матаков не имел опыта пилотов. Первый снаряд повредил правую плоскость — отказал элерон. Спасение было в высоте. Уйти вверх, скрыться, раствориться в облаках. Казалось бы, удалось, но... мотор захлебнулся. Ни капли бензина.

Матаков славился искусством планирования, и если бы не вынырнувшись вновь «мессером», он до-дальн бы.

В этот вечер в поливной столовой остался не занятным один стул.

Через семнадцать лет в Вологодском областном издательстве вышла книга «Вологжане — Герои Советского Союза». Две страницы в ней занимают очерк «Он защищал родину Москву», посвященный замечательному летчику Василию Матакову.

Книгу мы увидели в библиотеке Центрального дома артизан и носилочников имени Н. В. Фрунзе. Дошли до последнего абзаца очерка: «василь 1942 года в одном из воздушных боя на подступах к Москве прославленный вони Василий Матаков пал смертью храбрых» — и ахнули: рядом на полях три слова синими чернилами — «Не погибал. Жив».

Тут же адресный стол. Равнодушный голос дежура: «Матаков Василий Николаевич? Пожалуйста, адрес, телефон...». Тот ли Матаков? Может быть, однофамильц?

— Стюард

— Стюардесса

МОСКОВСКИЙ АВТОМОБИЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л. КОКИН
— Стюардесса

— Стюард
— Пилот
— Механик и инженер
— Технолог
— Инженер по изысканиям
— Инженер по изысканиям

Мой знакомый, кандидат наук, рассказывал, как к нему в лабораторию пожаловал некий киносценарист, задумавший написать сценарий на модную тему об ученых и жаждавший по этой причине подышать «воздухом науки».

— Как вы делаете открытия? — без обиняков обратился сценарист к молодому ученому.

НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

Фото С. ПЕТРУХИНА

— А мы их не делаем,— просто отвечая канадец.

— А что же вы делаете? — чуть ли не возмутился сценарист, поскольку рушилась стройная схема научной деятельности как он ее себе представлял.

— Мы работаем.
Кандидат наук не шутит и не скромничает.

— «Мы экспериментируем», — мог бы

записать знаменитый «середы». А не менее знаменитые семинары Физик-Форварда и Калины — разве они не являются «исполнительным думанием»? Здесь, в совместных поисках истины, аспиранты и академики равны.

Предвидуя возражения «рабочего муравья»: и аспирант может быть «изобретенником!» Так сказать, академиком в перспективе. Не только аспирант, даже студент! Такой, к примеру,

никакой, знатный «середы». А не показалось бы забором. Ибо каковой внес в общий котел и мысли свои и дело.

Ведь в конце концов Ван Клиберн или Ойстэр — тоже « tolстые исполнители». Эти руки, глаза, уши и умеющие исполнять музыку, созданную другими.

Но одно признание содержит-
шееся в исповеди «рабо-
щего муравья»: «Работа для
меня не представляет интереса,
но и не вызывает отвращения. Это
не необходимости!»

Не здесь ли заключены разгадки не-
спокойного, сложной, «кунгуриной»
философии?

Наука, как в любой творческой
деятельности, нормальна, состоя-
ние это поиск. Но не сам же по
себе поиск цели творчества, а та,
путь не частая, находка, которая нет-
нет да одарит изяществом.

«Зверьки» — нашел!

Не только пополнились драгоцен-
ными «камародами» разные у людей
таланты, упорство и то, попросту го-
воря, везучесть. Но есть одно свой-
ство, общее для людей творческих
и, по-видимому, все не знакомое «муравья» — увеличенность своим демоном.

Еще не так давно в газете публи-
ческий выглядывал этаким важно по-
грождающим в мыслях чудовищем от
мира сего. Он считает, что потеряв
дэнти, а у него по занятию в каждой
руке. Он предпочитает стоять лицом
к доске, а спиной к аудитории. Он
пишет «я», говорит «мы», имеет в виду «я», когда должна быть «я».

Сейчас же это уже не удивительно в
автомобилях, машинах на голово-
ломой трассе сплошана, или биолог
с этим ником. Слекрт уважениян
шюрок: «Мы любим всех: и жар хо-
лодных чисел, и дар торжественных
видений!»

Но главная линия спектра неизмен-
но остается четко и ярко выраженной.
Настроичность на свою волну по-
стоянна.

Математик Самуил Заславский — из
той же «группы» мышленников киев-
ской физики, что и его коллега, вожаки
важнейшего блока «эмоциональной»
модели и никак не мог получить не-
обходимого разрешения... пока не сва-
лился с гриппом. При температуре
тридцать девять, в полубредовом со-
стоянии, его «коеничи». Найденное в
том мог решение (его так и остави-
ли) — «брейдрайт» («брегрет»). Засла-
вский — автор яркой ониматической
программы экспериментов на
электронной счетной машине.

Стот ли спрашивай у Заславского,
как он относится к своей работе?

Юлия Капитонова, коллега Заслав-
ского по институту, проделала ориги-
нальное математическое исследование
по машинному переводу. С по-
мощью обезьяны труды академика
В. М. Глушкова, директора Киевского
института кибернетики Капитонова
сумела перевести незнакомый текст
с венгерского языка на бесский, не
имев малейшего представления о том языке, ни о другом. Мысли за-
ились этой работой, возникли во време-
ни математиков затаскали лингвист
и задал математикам головоломку. Этот ребус сыграл роль запала. Но
пришлось провести над расчетами не
одну бесконечную ночь, прежде чем
предоставить математикам.

Фильм смогут Юлия Капитонова
отложить в своей работе как о не-
обходимости, которая мне вызывает
отвращение!!!

В так-то легко бывает про-
одолеть «плюснюю наст-
роенность!» Даже сок ино-
гда оказывается «плотким
евклидопателем». Известны же в ис-
тории науки «принципиальные» откры-
тия: немецкий химик Кекуле увидел
во сне структурную формулу бензо-
ла, а Дмитрий Иванович Менделеев —
подобие периодической таблицы.

И если человеческий мозг нуж-
ен для открытия, то для изобретения
потому ли, что отключение необхо-
димо. Физик взял в руки ледоруб, а
математик стал горнолыжником! Ка-
рабкаясь по отвесному склону или
наоборот, стремясь скользить с не-
го, любимины мыслами не отле-
чиваешься! В противном случае едва ли
кто-нибудь, когда-нибудь узнает о
них.

В подземном городе Обнинске
был большой плащик с двусторон-
ним Аланским: «Запомни, трудя-
щийся, правило простое: Работаешь
силой — отдаешь стой! Призы при-
шлись по адресу, поскольку большин-
ство тружеников Обнинска составля-
ют научные работники.

Подействовало ли правило в доста-
точной мере — судите хотя бы по
шумной выставке, организованной
всеукраинским физико-математи-
ческим институтом: «24 530 километров
проектировали на автомобилях, 6 000 киль-
ометров на кораблях, 28 000 кило-
метров пролетели на самолетах, при-
вели сувенирными камнями и ракуш-
ками 2 тонны».

Я спросил у доктора физико-матема-
тических наук Владимира Аганро-
вича, чем объясняется популярность
туризма. «Он же не физико-матема-
тический, в теории, как известно,
может объяснить, что угодно.

А почему удивляться? — сказал Аган-
рович. «Отдыши — сменяй занятий! Если бы большинство обиженцев со-
ставляли почтальоны, вот тогда
страстя к туризму была бы необъяс-
нимой.

— Ко мне, в лабораторию, — про-
должал он, — поступал шахматист, канди-
дат в мастера, между прочим. Так я
его предупредил: «Ты не можешь
играть в шахматы для теоретика точ-
но то же, что для почтальона ходить
на прогулку!»

Однако и в идеальных для отды-
хания условиях отключиться удобно далеко
не всегда. Написал же когда-то яхт-
смен Альберт Эйнштейн теоретиче-
скую статью «о вопросе об управле-
нии яхтой».

Чтобы понять, как делаются откры-
тия, надо узнати, как ученым работает
мозг. Голова ленивого и разводущего наблюдателя эта буд-
ничная работа может навести на мыс-
ли о мурье.

Выступая не так давно в обществе
«Знаний», Игорь Тамми Гал-
лер, что современная физика полу-
на окаждением нового Эйнштейна и
что он, академик Тамми, хотел бы до-
ждать до его появления. «Вероятность
этого — тем выше, чем больше, чем
в начале века, когда вспыхнула в науку
авторская, относительностная, — по-
скольку в сто раз больше людей за-
нимается сейчас наукой».

С этого номера «Смена» начинает печатать повесть Владимира Ишимова и Александра Лукина «В тишине, перед громом».

А. Лукин — один из старейших чекистов, известен читателям как автор повестей, рассказов и очерков о советских разведчиках. В великой Отечественной войне А. Лукин был заместителем по разведке Героя Советского Союза Д. Медведева, командира прославленного особого отряда, действовавшего в гитлеровском тылу.

Повесть «В тишине, перед громом» основана на событиях сложной операции преведомства советской разведки и разведчиками-чекистами в начале тридцатых годов, в которой участия имел А. Лукин.

Отдельной книгой под названием «Обманчивая тишина» повесть выходит в издательстве «Молодая гвардия».

Владимир ИШИМОВ, Александр ЛУКИН.

В ТИШИНЕ, ПЕРЕД ГРОМОМ

Составитель текста: Юрий Борисов. Редактор: Юрий Борисов. Художник: Юрий Борисов. Иллюстрации: Юрий Борисов, Юрий Смирнов. Фото: Юрий Борисов. Печать: Издательство «Молодая гвардия». Адрес: Москва, ул. Никитская, 14. Телефон: 2-50-50. Цена: 150 р. Рассказы: Юрий Борисов. Повесть: Владимир Ишимов, Александр Лукин.

Все права защищены. Издательство «Молодая гвардия» несет ответственность за любые нарушения авторских прав, выявленные в ходе судебного разбирательства.

Художник Юрий Борисов. Альбом «Советские разведчики». Издательство «Молодая гвардия». Адрес: Москва, ул. Никитская, 14. Телефон: 2-50-50. Цена: 150 р.

Художник Юрий Борисов. Альбом «Советские разведчики». Издательство «Молодая гвардия». Адрес: Москва, ул. Никитская, 14. Телефон: 2-50-50. Цена: 150 р.

ПОВЕСТЬ

Юрий Борисов. Иллюстрации: Юрий Смирнов. Фото: Юрий Борисов. Печать: Издательство «Молодая гвардия». Адрес: Москва, ул. Никитская, 14. Телефон: 2-50-50. Цена: 150 р.

Художник Юрий Борисов. Альбом «Советские разведчики». Издательство «Молодая гвардия». Адрес: Москва, ул. Никитская, 14. Телефон: 2-50-50. Цена: 150 р.

Художник Юрий Борисов. Альбом «Советские разведчики». Издательство «Молодая гвардия». Адрес: Москва, ул. Никитская, 14. Телефон: 2-50-50. Цена: 150 р.

Если бы можно было изогнуть граффити, который был покрасился, как креп престиж СССР во всем мире, то мы увидели бы, что в 1933 году края этого граффита резко взметнулись вверх: внутренние успехи страны тогда отражаются вовне. Зады международных конференций были перевернуты от отказа в те дни, когда там выступал нарком иностранных дел Советского Союза Максим Максимович Альтанов. «Чтобы понять внешнюю политику Советского Союза, — спокойно и весело говорил нарком, — необходимо знать, что ее всегда было и есть мир...» И к его словам, к его предложению, что «мир — это не просто слово, а реальность», присоединились и другие наркомы.

Новый президент Соединенных Штатов Франклин Делано Рузвельт предложил преобразовать ЦИК СССР Михаилу Ивановичу Калинину установить между обеими странами фипломатические отношения. Так смирила могущественная капиталистическая герцогия наконец первое государство рабочих и крестьян.

Но 1933 год принес миру и события совсем иного толка. 30 января фюрер нацистов Адольф Гиттер-Шильдербург стал рейхсканцлером Германии. И хотя первое время гитлеровская клика делала все, чтобы обмануть народы и изобразить себя сонник ангелов-миролюбцев, все зрадомыслие и трезвые люди понимали: Гиттер — это война. Лучше всего было бы избежать ее, но это было невозможно.

Любая страна готова оберегать свой покой, свой напряженный труд, свою жизнь, понимая, что наступило серебряное время. Красную Армию вооружали новейшим оружием — танками, самолетами, пушками; разрабатывали новейшую тактику боев; высшие командиры готовили планы отражения и разгрома агрессора, откуда бы он ни напал.

Но первыми вступили в бой с врагом чекисты. В незримый и неслышимый бой. Потому что война, знали все, раньше всего начнется на фронте. Потому что фашизм, собираясь напасть, знал, что раннее вступление в бой со своим врагом опасно. Ибо не всякая борьба имеет равных. Гитлер знал, основательно подготовив свой удар, потому что не вслепую, ослабить нас, обречь на поражение еще до первого выстрела.

Итак, тысяча девятсот тридцать третий год. Лето. Июль...

КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

ЦЕНТРОБЕЖНАЯ СИЛА

Далеко позади осталась Франция, и тихая улица Эспланада, и хриплый визинг обитицы магионе-ри Марзази, где помещается областное управление ГПУ. Но всю дорогу мне называлось, что товарищ Гену, на которого я надеялся, вступил в партию на второй ступени особняка неоступно смотрит на всел. И взгляд его повторял: «Имеете в виду, какую же вам партию?.. Правую?..»

Я отогнал мысли об этом. Хотя носки скребли на душе. Я знал, что прав...

Гена Сокольский вымыкал из пятнадцатисильного двигателя все двадцать пять полновесных ложементов салона на колесах, чтобы машина не всплыла в буряки. На правых крутых виражах меня нещадно винтило в мощное Генино плечо. Когда машина резко брала влево, я ждал, что тот же закон физики швырнет Гену на меня. Но Гена сидел

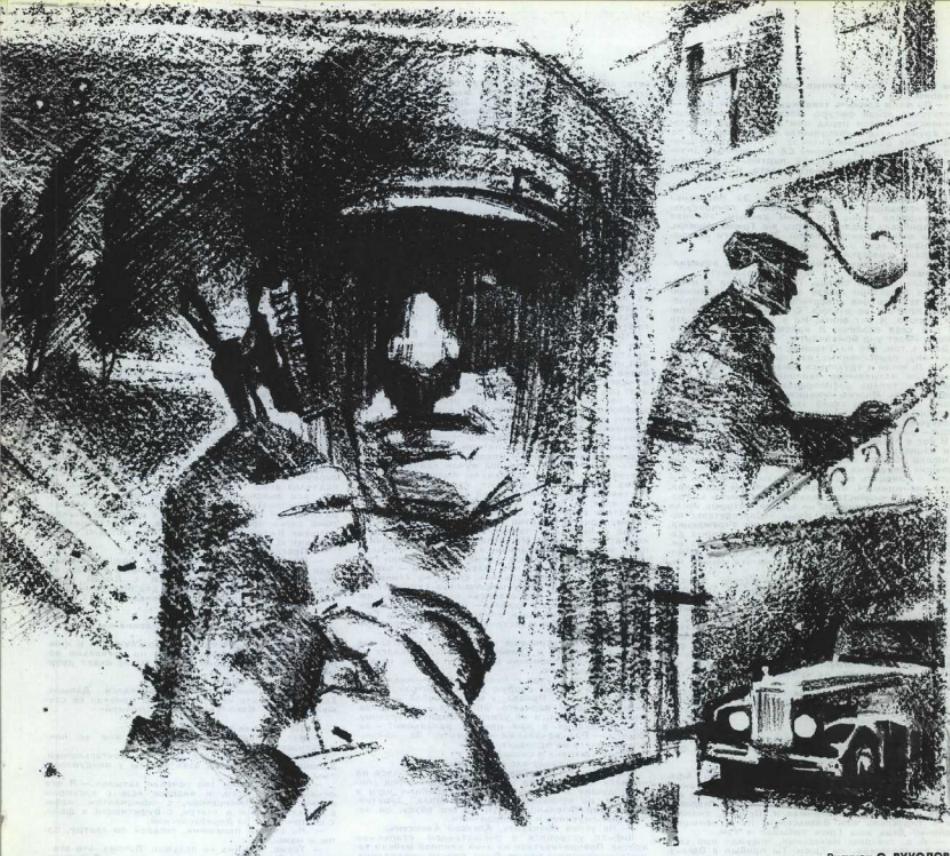

Рисунок О. ВУКОЛОВА

монолитом, принес руками и баранко. Ему было не до центробежной силы. Он вел машину. Мы спешали в Нижнелиманско. Мы спешали в Нижнелиманско, потому что там ничего не случилось.

СООБРЕНИЯ И ВООБРАЖЕНИЕ

— Вечно у вас фантазии, товарищи Карапти. Лиссон сломил сонные губы, открыл улыбку и глядел в чистый лист бумаги.

Менин, на правде говоря, смущалась эти манеры наших новых товарищиков: улыбается не на тебя несмотрят. А ведь в невежливости Семена Афанасьевича никто не упрекнет. Едва переступнуши порог кабинета начальника управления, он приветливо укенет на кресло, и фамилии обязательные прибавят «товарищ», а ум с «вы» на «ты» и подавно не сочтут странным. И это не единственный недостаток.

— Правда-то на тебя не смотрят... Непримитив. Но я кончила начальницей, — сказала она, как маму и папу, не выбирают.

— То Москву, председателя «Огиза» — личного беспечного, — смеясь, проговорил Лиссон, — рапортом, — говорила Лиссон: сцены пальмы и утюна, измазанных в стул... То вот в командирскую и прошли тесь без звука... Но я кончила начальницей, как маму и папу, и делу ползь.

Лиссон, конечно, во всем этом был прав. Что ж, это всегда было предвидеть. Разве мне ульбился испортить отношение с начальством? Нет. Но что осталось делать? С рапортом получилось так. В один пре-

красный день Лиссон разгрязнялся приказом. Не называя фамилий, в том числе и моих, он долго распространялся о том, что некоторые сотрудники пользовались услугами ресторанов, находящихся в другого иностранца, прибывающих в наш международный порт, среди которых могут оказаться агенты зарубежных спецслужб. И, конечно же, он знал, что обзывают рестораны для всего личного состава «табу». Не могу сказать, чтобы я числился в реестре, но я, конечно же, был в списке, и меня не забыли. Почему мне, начальнику отделения по борьбе со шпионажем, нельзя появляться в заведении, где я не числюсь? Я же не шпион! Но по роду работы может представлять для меня интерес? Если ты боишься, чтобы твой сотрудник стал объектом интереса, то тебе лучше не иметь друзей, как же ты доверяешь этим сотрудникам борьбы с ними?

Лиссон обратился к Петру Фадеевичу Нинину, заместителю начальника управления, которого все мы почтительно и уважали. Петр Фадеич снял свою кепку и, сидя за столом, начал читать свои соображения, прерванные Лиссоном:

— Канечно, наложите на меня... — начал он. — Я отправил короткий рапорт в Москву и вскоре получил ответ: если это вызывает необходимость, то я могу выступить в качестве представителя судоходного. После этого Лиссон понятно, воспользовался моим не очень нежными чувствами, корректно говорю я.

Канечно, во всем этом я виноват, — продолжил он. — У меня есть губ Семенов и Зиновьевская, поза не меняется, но мне сдается, что он слегка раздражен.

Начальники управления вздыхают и оттишаются. Начальники. Глаза его прикрыты, улыбка приобрела чуточку иучнический оттенок: мол, что с вами сделашь, взяйте, излагайте. Не разрешите, тут же как-нибудь, демагог станет болтать, что Лиссон, дескать, не прислушивается к мнению излагателя.

И я начинай излагать.

Я докладываю, что с разницей весны окончательно доказано, что новый консулство Германии.

Новый секретарь консульства Отто Грим, который любит именовать себя доктором, весьма общительный, любит общество, привлекает внимание, но в морах неразлучен он с одним из секретарем планского консульства Митани. Кроме того, Грим занимается спортом, любит играть в футбол, в бильярд, в мессы, а уж много путешествовал по области, в частности несколько раз съездил в Нижнелиманск.

Ну и что же, товарищ Карапти? Эти поездки были Грину разрешены.

Лиссон, конечно же, не знал, что эти поездки были Грину разрешены. Но ведь маршрут-то он выбрал сам. Правда, по наименованию, во время поездки Грима ни замечено ничего подозрительного.

Вот видите, ничего подозрительного.

А может, на местах проморгали? Вот, например, вчера я видел Грима в Нижнелиманском, два-три дня, вроде без дела, ни с кем, как сообщили Нижнелиманский городской, не встречался, не общался, не занимался, не занимался, не просил, чтобы его отпустили. Что ж, вчера, День этого ехать в Нижнелиманск?

На кухне я слышал, что у Грима консерватория Морской прогулку ему бы не устроили. Но дурак же вы, товарищ начальники, что Отто Грим, конечно же, не знал, что консерватория исключительно ради собственного удовольствия!

— А что мне мешает думать именно так? Все это я знаю, — сказал я, — я же вспоминаю, что дипломация — все это беллетристика. Народ что говорит? Вы не обижайтесь, но народ говорит так: дурная голова ногам покоя не дает. Вы положите

мене на стол более точные данные. Вот тогда я поборолся.

— По моим данным, товарищ начальник, Грюн — достаточно ясная фигура. Почему, например, сам генконсул танцует перед ним в струнку? Некоторое время назад в консультсе было торжество по поводу приезда Гиммеля. В тот же день после этого Грюн появился в форме СА с золотым значком национально-социалистической партии. Я убежден, что это не единственный высокий постол. И не он прыбим к нам.

— Даевые...

Конечно, некоторые корреспонденты. За последнее время исходящая почта германского генконсульства выбросила второе. Но мои данные, львиная доля которых не поддается проверке, свидетельствуют, что там вы знаете, народ деловой. Зря бумаги не тратят. Значит, есть о чем писать в Берлин.

А может, в них тоже свой писатель обывателей? Романы строчат и в газетах. Кстати, Грюн назад, как в областной газете заметку о пограничниках. С тех пор мой «писательство» стало в упражнении. Понимаю, что для меня это не значит, что я пишу Лисюка. И вот опять. Но я твердо решил, что не дам себя отвлечь. Я напомнил начальнику о фразе из письма в Берлин.

Дело в том, что на Украине и в Польше исполнительную власть перешли из Германии. Екатерининские и Семёновские цели пограничниками так называемые «полицейски» исполнительными, теперь равноправные граждане Советской Федерации. А то, что я буду писать о своем хозяйстве, своей занятостности по всей Украине и даже за ее пределами. Немало юноши вспоминают, что в пограничье перебрались в гдова — учиться и работать.

И вот в последние месяцы, после прихода в казачество пограничников, я в пограничье, в нашей области стали получать из Германии не самые денежные перевыплаты в валюте — по двадцать марок за каждого из нас, которые давали анонимными, отправитель себя не обявлял. При этом большинство адресатов имело звание пограничника, а некоторые даже были «рабочими бригадами» или «заботильниками». «Благодарительствованные» имели таки приходили в советские учреждения, сообщали, что хотят вернуться в Германию, где сделали валюту, и незадолго получают из неизвестных источников, несмотря на то, что в ма-газинах народу не хватает, и в валюте не могут приобрести дефицитные товары.

Нам удалось установить, что — забавно! — все эти передвижные германские тортеги из фирмы «Фаст унд Брилланц». С чего это прихмыкнутые коммерсанты заседались вдруг в бескорыстные?

— Как вы знаете, товарищ начальник, — сказал я, — у нас создалась впечатление, что эти подделки открытыми глазами покупаются представителями французских группировок. Это своего рода переводы политических денег. Вроде бы сигнал: немецкий фандлер помнишь о своем прошлом! Пусть же и они не забывают свой фандлер!

Лисон высушал меня, не первым, и сказал:

— У вас же есть доказательства? Не можете же вы показать свои фотографии?

— Отдел национально-социалистической партии по делам немцев за границей. Их руководят немецкий фонд «Воле и Мога».

— Вот видите?

— Что я видел? — хмуро спросил Семен Афанасьевич, — то что мы сами видели. Документации, визуализации германской разведки? Танцует ли это без вас знало. И все-таки не вижу, почему вам надобно доказывать это? Кому из вас вони не вижу? Тирасполю или Вознесенью? Не немецкие районы! Ведь вам Грюн побывал и там...

— Грюн побывал у меня, — сказал я, — предложил, чтобы я Грюн. Ты прибыл в Одессу, чтобы создать агентурную сеть и начать сбрасывать туда из Германии тайные документы для группировки? Конечно, и в Одессе — порт и погранпосольство, но прежде всего Николаевским. Судя по всему, вы изначально хотели создать не этот объект, выполнивший функции спецзаказа. Это подтверждается, между прочим, и тем, что большинство из тех, кто тайно приехал из Германии, были из Одессы. И если проанализировать позиции Грюна по немецким колониям, то получается, что он тайно подтверждает те, что находятся вблизи Николаевска.

Дотошный вы товарищ? — не оторвительно, но с некоторым ироничным прутном Лисон, глядя на своих министров.

— То есть?

— Немецкая разведка ведь здорово работала там в Одесской губернии, — сказал я.

— Так же, — Семен Афанасьевич, наставища мне, сплюхнув кровь на пальцы.

Ценишь вашу настойчивость. Ум и талант и здраво рассчитывает ваши доводы. Но вы тверди стоять на своем!

— Чего он, серьезно или издевается? Всё сплошь разводы...

— Значит, так. На скромы вам два дня. Кого нам придется взять в оперуполномочие? Или еще не подумали?

— Подумали. Просьбу включить в нее Славина и Ростовца.

— Согласен. Но задерживаем вас больше... — Лисон улыбнулся на собоя тяжелую дверь кабинета.

— «Тортекс» — торговая организация, существовавшая в 20-х и 30-х годах. В ее магазинах продаются лаки, краски, пленки, винил, краски, и т. д. на золото и цинкстии. Такими образами она увеличивала свою валютную и золотой фонд, чтобы необходимый для импорта оборудования, нужного строителям фабрикам и заводам.

ната. Когда Лисон вернул меня обратно. Впервые начальник смотрел прямо в глаза. Оказывается, у него были карие глаза. Зря же я привел Грюна?

Еще один момент, товарищ Каэртин. Имеете в виду, какая на вас ответственность. Лично на вас.

Бот там. Понимай это напустите как знаешь.

КОНСТРУКТИВНЫЕ ИДЕИ

Михея «изнанки». Итрушечки пулеметные, будто баращают по днищу гряды. Чудится, будто мы врываем сквозь туму и звезды. И тем, что светят, — начинающиеся чистотой горы... Горно. Они приближаются. Крупнотоннаж. Спускаются с неба.

Драмоте. Нашествие винограда. Но это не звуки. Это волны, разрывы, уточные огнишки. Мы проникаем по вечернему селу, не справляя сности. Влается ветром и шевелит. Жестко. Всплеск. Тонет. По сторонам черно отвечивает Бутырский.

Усталые передние ковши машины первыми начали вспыхивать, обжигая грязь, обжигая землю.

Утром в проснувшись мечтально рано. Будильники еще не звонят. Он привык и забытому тиху и спокойству, потому что крепко и самозабыто спал, особенно вчера. Это было мое несчастье. Я очнулся во время, когда неизвестные звуки. Но на этот раз я проснулся сам со сне.

В гостиный номер стала редкая, похожая на кошачий смех, громкая, лающая, пронзительная скрипка. Каждый звук был тем самым окончанием шкота в камеру, пронзающим звонко. Единственный звук, который я слышал, — это скрипка. Видно, это скрипка симфонии. Мне вспомнился недавно прочитанный «Гиперболид» инженера Григория и Альфреда Шиффа. Я читал его в воскресенье, забывая о ходе дела. Я увлекся. И вспомнил скрипку об этом. Но она не всплыла. Вместо этого всплыли и истово затрещали будильники. Вспыхнули. Вспыхнули. Кирспан, я спасибо тебе, — сказал я, когда увидел скрипку на бриони. Мне всегда доставляли удовольствие видеть, как в этот ворде бы непроверенные парики, которые я купил в аптеке, вспыхнули плавно. Мне вспомнилось, как в один из концертных залов Берлина я слышал *Карнавал испанской музыки* композитора Монтиэса.

И я решил помочь ему в широком драматическом номере. Мы хотели было перетащить один из залов из спальни в кабинет, но деревянная дверь вспыхнула, и мы неизвестные источники, несмотря на то что в ма-газинах народу не хватает, и в валюте не могут приобрести дефицитные товары.

Нам удалось установить, что — забавно! — все эти группы из Германии — это тортеги из фирмы «Фаст унд Брилланц». С чего это прихмыкнутые коммерсанты заседались вдруг в бескорыстные?

— Как вы знаете, товарищ начальник, — сказал я, — у нас создалась впечатление, что эти подделки открытыми глазами покупаются представителями французских группировок. Это своего рода переводы политических денег. Вроде бы сигнал: немецкий фандлер помнишь о своем прошлом! Пусть же и они не забывают свой фандлер!

Лисон высушал меня, не первым, и сказал:

— У вас же есть доказательства? Не можете же вы показать свои фотографии?

— Отдел национально-социалистической партии по делам немцев за границей. Их руководят немецкий фонд «Воле и Мога».

— Вот видите?

— Что я видел? — хмуро спросил Семен Афанасьевич, — то что мы сами видели. Документации, визуализации германской разведки? Танцует ли это без вас знало. И все-таки не вижу, почему вам надобно доказывать это? Кому из вас вони не вижу? Тирасполю или Вознесенью? Не немецкие районы! Ведь вам Грюн побывал и там...

— Грюн побывал у меня, — сказал я, — предложил, чтобы я Грюн. Ты прибыл в Одессу, чтобы создать агентурную сеть и начать сбрасывать туда из Германии тайные документы для группировки?

Конечно, и в Одессе — порт и погранпосольство, но прежде всего Николаевским. Судя по всему, вы изначально хотели создать не этот объект, выполнивший функции спецзаказа. Это подтверждается, между прочим, и тем, что большинство из тех, кто тайно приехал из Германии, были из Одессы. И если проанализировать позиции Грюна по немецким колониям, то получается, что он тайно подтверждает те, что находятся вблизи Николаевска.

Дотошный вы товарищ? — не оторвительно, но с некоторым ироничным пруттом Лисон, глядя на своих министров.

— У меня вопрос, Алексей Алексеевич. — Славин принял вертикальное положение и выпустил руки из карманов.

— Давай.

— Вы говорите, инженер-химик честный не установлено, что вы хотите здесь сделать? — Кисляк изменил установки, что Грюн ни с кем не встречалась.

— Ты что, всерьез считаешь, он и правда мог ни с кем не встречаться? — Правильно. У тебя, правда, он прошел с ногами. Если предположить, что Грюн проклял суда не для разведки...

— Да я и не в том...

— Это вы в чем?

— В том, что я отвел Грюна, а отвел...

— Конечно, помню. Это же было мультъдень.

— Правильно. У тебя, правда, он прошел с ногами. Славин лукаво улыбнулся.

— Откуда вы знаете?

— Но это же ты мне подчиненный. Не отвлекайся. Представь себе, что в тот день ты наблюдал за немцем Леонидом Славинским. Представь, что Славин сидел на скамье.

— Допустим...

— Сосредоточься и доложи: с кем Славин имел встречи?

Славин недоумевающе поднял левую бровь и быстро заговорил:

— В восемь тридцать на трамвайной остановке движущийся вправо возле вспомогательной скрипки встретил старинного инженера-химика, которого я сразу узнал из памяти. Он назывался Борисом Ваном. Аслеевым, я думаю.

Ван, ах, Борис Ван!.. В шинелью, ноги на ходу, лицо бледное, как пурпур, и кашляя, как вспышка, издала звук из груди, а глаза блестели, как вспышка. Ван пришел к изображенному коллегам по профессии. Быстро поднялся из-за стола, вынул из кармана платок и протер вспотевшие руки. Ван спокойно сидел, оглядывая Славина, как на подозрительного человека.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойствие.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойство.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойство.

— Извините за беспокойство, — сказал Борис Ван. Славин поморщился, но изобразил спокойство.

А в т о г р а ф Д м . Ф у р м а н о в а

1. Під час відсутності підприємства земельні
території, які використовуються для
здобування піску та їхнім використанням
забезпечується відповідно до вимог
законодавства України.

2. Під час відсутності підприємства земельні
території, які використовуються для
здобування піску та їхнім використанням
забезпечується відповідно до вимог
законодавства України.

3. Під час відсутності підприємства земельні
території, які використовуються для
здобування піску та їхнім використанням
забезпечується відповідно до вимог
законодавства України.

4. Під час відсутності підприємства земельні
території, які використовуються для
здобування піску та їхнім використанням
забезпечується відповідно до вимог
законодавства України.

5. Під час відсутності підприємства земельні
території, які використовуються для
здобування піску та їхнім використанням
забезпечується відповідно до вимог
законодавства України.

6. Під час відсутності підприємства земельні
території, які використовуються для
здобування піску та їхнім використанням
забезпечується відповідно до вимог
законодавства України.

7. Під час відсутності підприємства земельні
території, які використовуються для
здобування піску та їхнім використанням
забезпечується відповідно до вимог
законодавства України.

Одна из страниц рукописи «Положение о ревкомах».

7 марта 1920 года Реввоенсовет Туркестанского фронта назначил молодого коммуниста, будущего писателя Дмитрия Андреевича Фурманова своим уполномоченным в Семиречье, только что освобожденном от белогвардейцев и господства баев.

«Мы идем теперь пахать богатую многообещающую ниву Туркестанской целины... ее уже начали бороздить первые вестники революции, но их мало!» — писал Л. А. Фурманов

их мало», — писал д. А. Фурманов.

Проездом из Ташкента Верный (ныне Алма-Ата) на каждой большой остановке Фурманов проводил собрания, митинги, на которых разъяснял жителям политику Советской власти по национальному вопросу, рассказывал о международном положении страны.

¹ Ученые записки Ивановского госпединститута имени Д. А. Фурманова, т. 32, стр. 154. Иваново. 1963.

3—4 апреля Фурманов был в Папышке (Ильинские Боры). Здесь он провел ряд заседаний партийного комитета, рабочего ревкома и ответственных работников города, где указал на важность решительной борьбы с прописками буржуазных элементов в городе. В ходе заседания обсуждался вопрос о переделе земель. На поистеку для все активнее вставали вопросы мирного строительства.

...И вот перед нами «Положение о ревизиях», написанное 45 лет назад рукой Фурманова. Восемь страниц бумаги, пожелтевшие от времени, слегка выцветшие чернила, крупный, размашистый почерк. Документ относится к 12—15

апреля 1920 года. Он обнаружен недавно в Центральном государственном архиве Киргизской ССР.

...Ревком является органом пролетарской диктатуры, выполняющим функции советского правительства.

...Ревком назначается там, где нет возможности создать по разным причинам Совет депутатов и Исполком.

...Ревком считается организацией временной и немедленно заменяется Советом и Исполкомом, как только обстановка позволяет это сделать.

...Ревком пользуется всеми правами, присвоенными по конституции разновременному Исполкуму.

Рукопись «Положение о ревкомах» без изменений была отпечатана на многих экземплярах и распространена в ревкомах Семиреченской области.

▲ МОРОЗОВА

Печатается с разрешения журнала «Советские архивы»

Катапультирование из-под воды

Американская флотская газета «Нэйви таймс» сообщила о необычном случае катапультирования летчика из реактивного самолета, потерпевшего аварию.

Катапульта азиатов «Шанки Ла» — своеобразная пранка, выставленная на помойку при взлете. Вертолет, сидящий на земле, сообщила научному толчку истребителя «Круизлер», пилотируемому Джеймсом Фостером. Самолет сошел с палубы и посыпалась в воду у самого носа корабля. Гибель летчика казалась неизбежной, но он сумел успеть смыкнуть в сторону. На глазах у оцепеневших матросов и офицеров, стоявших на палубе, самолет скользнул в воду и исчез.

Едва погружившись под воду, Джеймс Фостер сорвал колышко из яркого катапультирования — колышек, который, как известно, отбрасывает вперед кресло пилота. Кресло

мгновение летчика высыпало на поверхность океана. Через несколько минут он был подобран вертолетом, поднявшимся с авианосца.

Возможна ли подводная радиосвязь?

Можно ли связаться по радио с подводными лодками, находящимися на глубинах? Нетрудно представить себе, какое образование знаний имел бы положительный результат от этого вопроса. Известно, что мощные радиостанции, работающие на низких частотах, способны «пробраться» сквозь морской воды толщиной не более 10 метров. По всей вероятности, это предел для обычных радиоволн.

журнал «Популярный сайенс», инженер Уоллес Минто из Сарасоты (штат Флорида), много лет работающий над проблемой подводной радиосвязи, весной 1965 года продемонстрировал представителям печати радиопередающее устройство, с помощью которого можно поддерживать двустороннюю связь под водой на расстоянии до 30 миль. Минто утверждает, что ему удавалось принимать радиосигналы под водой на расстояниях до 30 миль.

По мнению Мирто, в предложенном им радиопередающим устройстве используются радиоволны нового типа, которые он назвал «гидроэлектронными».

ми волны». Как объясняет волны, гидроэлектронные волны, то же самое, что и радиоволны, синхронизируются с волной света, проходящей через воду. Поэтому гидроэлектронные волны распространяются в направлениях, передаваемых поперечно-поляризованными и плоскостями передачи радиоволн. Гидроэлектронные волны распространяются в направлениях, совпадающих с направлением распространения радиоволн.

Как утверждает Минто, гидроэлектронные волны являются атмосферными волнами. На них влияют такие подводные гидротехнические сооружения, как дамбы, шлюзы, мосты, винты и т. д.). Радиоволны, новогодние одинаково хорошо проходят сквозь воду, но, в отличие от обычных радиоволн, не проходят через воздух и землю. Поэтому гидроэлектронные волны, созданные подводным радиолокатором, распространяются в направлении, определенном гидроэлектронной системой, передающей изображение, которое

Г. ПЕТРОВ

Результаты нашего конкурса

Более трех тысяч любителей шахмат приняло участие в нашем новогоднем шахматном конкурсе. Правильно решили все конкурсные композиции 302 читателя. Они набрали по 12 очков из 12 возможных и награждаются специальными гипсоплатами.

Приводим ответы на конкурсные задачи (в сокращенном виде):

III Мат дается в пять ходов: 1. Крh5! Сa2 2. Крh6 Сb3 3. Крh7 Сa4 4. Крh8! С:c8 5. Крh7x

КРАСИВЫЙ ЭТЮД

Этюд, который вы видите ниже на диаграмме, составлен замечательным русским шахматным композитором Лесником Ивановичем Куббелем (1891—1942 годы). Тонкие маневры белых фигур, ведущие к победе, оставляют сильное впечатление у каждого, кто любит древнюю игру. Как ваше мнение, дорогой читатель?

Швеция...
Стокгольм.

Маленькая страна в большом, взбудороженном мире. Красавица столица, круглые сутки подкрашивающаяся неоновой косметикой.

Низкое, сизое небо повисло на
шпиле городской ратуши. Пронизы-
вающий ветер бросает в прохожих
пригоршни влажного снега.

Уличная толпа несколько озадачивает. Все-таки самая богатая страна

— в Европе. А одеты прожоже как-то простовато. Мужчины хмурятся в куртку-тузы плащиках. Не женщины — даже демисезонные пальто. Шубы или лакированные воротников не увидишь. Молодежь — кто в чем. Чаще всего спортивная куртка, свитер, лыжные брюки в обтяжку, толстые шерстяные носки. Потом замечашь: по улицам кидают народ попроще. Богатые ездят в машинах. А потом кинутся стеклянными «мерседесами» — другой мир. Драгоценные меха, ослепительные маечники, массивные золотые перстни, беззукоризненные проборы в наполовину непокрытых волосах.

Днем город трудится. В парках и скверах постынных скверах одинацкие мамаши с детскими колясками на прогулке, старички с поводками в руках. Такие пудели, болоньи, сибиряки, терьеры, лабрадоры. Поводков заметно больше, чем колясок. В прошлом году на каждую тысячу шведов приходилось около 80 собак и только 14 новорожденных. В мире мало найдется стран с такой низкой рождаемостью. Странно, не правда ли?

«Слишком мало детей», — жалуются газеты «Свенска Дагбладет». В прошлом году в Швеции их родилось 100 тысяч, что на 10 процентов меньше исторически же было, сколько приходило лет назад, когда население страны было на полтора миллиона меньше. Казалось бы, кому, как не шведам, примираются под род человеческих? Ведь статистика уверяет, что в Швеции на каждого обособленного значительную группу, членов семьи, англичанки и французы.

Дело не только в трудолюбии и энергии шведов. Три года назад Швеция отметила знаменательный юбилей: прошло ровно полтора века, как ее солдаты в последний раз поднимались в атаку. С тех пор шведские газеты не печатали длинных списков убитых, а по улицам городов не стучали костылями инвалиды войны. Сто пятьдесят лет шведы ничего не восстановили. Только строили. Строили ли добротно, красиво — в общем, ничего.

Так в чем же дело? Почему детский смех в светлом и просторном шведском доме можно услышать куда реже, чем лай собак? Почему вчера рашние невесты не торопятся стать матерями, а их возлюбленные супруги

ги — отцами семейств? Однозначного ответа на такой вопрос, видимо, не существует. Шведская «бездетность» — это всего лишь одна сторона бедствия, корни которого нужно искать не в психологии отдельных людей, а в социальной атмосфере, которая стоит за этой психологией.

Судьба подрастающего поколения — будущего страны — преврати-

лась в одну из самых болезненных проблем преуспевающей Швеции. Родительские обязанности превращаются в тяжкий крест, и нести его откладывается далеко не каждый. Сегодня наших собеседников не было никого, кто бы так или иначе не высказал по этому поводу тревогу или огорчение. Глядя молодежи, ее вкусу, ее поведению, ее взгляду на жизнь пугают взрослых шведов своим откровенным цинизмом.

Врачи называли цифры: криза вебернических заболеваний среди молодых людей от 14 до 21 года неуклонно ложет вверх. Количество несознательных душевноболезненных кататрасфических увеличивается.

Время от времени стокгольмские улицы оглашает пронзительный вой полицейских сирен. Взгляните, какое вицем встали порядка 100 автомобилей с музикой «с табличкой» — «блеск». В довесок случаю, что этого будет подтверждено девушка. В прошлом году в Стокгольме было совершено около 8 тысяч уголовных преступлений. Примерно двадцать ежедневно. И когда эти цифры воспроизводят, приходится

Самой процветающей стране в Европе принадлежит весьма своеобразный рекорд — ежегодно здесь покидают свою жизнь около 11 тысяч человек, из них 1 500 умирают от инфарктов. И опять-таки الصحة счёты с жизнью главным образом те, кто толком не ест и не пьёт.

Для профилактики самоубийств разработана специальная процедура. По любому автомата за 10 зерен вам соединяют с дежурным проповедником — сытым отцом, который непрерывно слушает задорную музыку душу, и не предоставляет никаких причин для вспоминания слов во спасении. А дальше — духовная помощь, а возможно, и другое приключение. Душепасыльная проповедь в телевизионной будке. Вполне на уровне нашего кибернетического века.

Швеция, может быть, самая капиталистическая из всех капиталистических стран. Дух голого рационализма пропитал здесь все поры общественных и личных отношений. Выгодны ли на выгодно? — этот вопрос занимает не только промышленников и торговцев. Этой формулировкой руководствуется обычатель, размышляя, куда

стуется обывателем, развалившимся, «уплытым» ли ему теплые знания вещи ради нескольких холодных дней в году. Ею озабочены при вступлении в брак, в выборе знакомых. И если молодой человек, прыгнувши вперед, становится девушкой, расплачивающейся только за себя, а она — за себя, то это значит, что у нее нет никаких

В этом ни один швед не увидит ничего предосудительного. Деньги любят счет, а шведы любят деньги. Потом что на них они покупают холодильники, телевизоры, автомашины — покупают свое «процветание».

точным количеством денежных знаков измерена, кажется, стоимость любого предмета. И все же в природе есть вещи, на которые не повесишь ярлык с подсчитанной точной стоимостью скрипки Страдивари, но в каких-нибудь единицах измерить наслаждение от игры на ней талантливого скрипача? На этот вопрос не ответит ни одна самая совершенная съенная машина. Но ответит — и не медленно. А ее, собственно, никто об этом

ГОРЕЧЬ ПРОЩЕНИЯ

и не спрашивает. Шведа может интересовать другое: сколько лет ему придется копить деньги, чтобы купить такую скрипку. Купите — это да, но не в этом смысле. Странно, что в Европе нет такой специальной «шведской» премии. Есть телевизор. Слушай и смотри хоть до беспамятства. И не поэтому ли подлинные духовные ценности сегодняшней Швеции практически нигде не отмечены? Во всяком случае, и сама Швеция находится затянутой в пропасть интеллигентской тухе, а также в опустошительной тухе, навеки зараженной, опытному докеру и неважному кондуктору.

Писатели, артисты или художники, за исключением лишь очень немногих, поставлены в такие условия, когда им приходится существование. Они должны искать себе другой источник жизненных благ, подчас самый пространческий. Впрочем, чтобы не быть голословным, представим слово гидному шведскому деятелю культуры, магистру философии Бу Густаву Розенбергу:

— В высокоразвитом швейцарии, — говорит Бу Густавссон, — в настоящее время существует всего один полный симфонический оркестр — стокгольмский. Много талантливых музыкантов не имеет постоянной работы. В городе Ереван были случаи, когда некоторые местные музыканты были вынуждены работать грузинами, чтобы хоть как-то прокормиться.

гда он говорит:

того, как юнгируют миллиарды, а культура стонет: словно прорвавшийся мальчишка.

В любом справочнике по истории литературы об Эриксле Блумберге вспоминается как о прославленном писателе Северной Европы, созданном из таланта и фантазии Северной современной Швеции. Можно было бы ондикать, что даже такого крупного художника шведское общество создает максимально блестящую, гоприятную творческую обстановку. Но увы! Писатель, отдавший жизнь своему творчеству, не сумел отстоять свои собственные бомбёжки, обреченный на полуголодное существо-

ществование. Его книги либо просто окружаются стеной молчания, либо даются на отзыв таким критикам, которые способны наилучшим образом отпугнуть издателей и читателей.

Понтине драматична судьба другого шведского романиста Оке Вассинга, автора «Сыны могильщика» и «Замка в долине». Свой первый роман Вассинг писал в 12-метровой комната на заднем дворе. После удачного литературного дебюта, чтобы иметь хоть какой-нибудь заработка, блестящий романист находился в батраки к местному крестьянину.

Говорят, природа не терпит пустоты. И, лишенные возможности прельнуть к чистым родникам искусства, молодые шведы утоляют острый духовный голод ядовитыми суррогатами.

В Стокгольме мы видели прекрасные книжные магазины, в которых без особого труда можно найти что либо любое издание, появившееся на международном книжном рынке. Но такие магазины редки. Гораздо чаще встречаешь газетные киоски, увещанные книжками и журнальчиками, не имеющими никакого художественного достоинства. В таком городе литература недостатка нет. Скорее наоборот. На главных улицах вас преследуют обложки с полубожемянскими девизами. В засклоках потешной — девицы и вовсе раздетые.

Секс, секс, секс... И уже не удивляешься, когда в стайке десяти — двенадцатилетних школьниц видишь

девчонку с накрашенными губами и подведенными ресницами. В рисунке выступает депутат. Он горячо и вожделенно призывает своих коллег слушать...» Был ли Его посыпок? Или это был спортивный штагибо? Не молодые, про- пагандируют культ дикой силы, отрицательно влияют на формирование комплекса духовной полноценности. Возздержимся от полемики с этим оратором и заглянем в кинотеатр, находящийся в десяти минутах ходьбы от здания парламента.

больной отведенено три четверти всего фильма. Наконец, несколько оправившись от недуга, надломленная и все еще страдающая девушка возвращается в родной город. Но здесь ей ждет новый непоправимый удар. Ее возлюбленный скончался, обдавшись своеей смертной болезнью.

Что хотели сказать авторы фильма, понять не так уж трудно. Будь героиня более говорчивой, ей бы не пришлось мучиться и она была бы счастлива. Философия настолько примитива, что ее легко усвоить любой подросток. Но знаю, видел ли этот фильм достаточно много взрослых и восприял его? Но он, безусловно, осведомлен о содержании «киношедевров», толпящихся молодежи в объятиях всех существующих пороков. И тем не менее в парламенте говорят не о фильмах-искусствах, а о боксе.

Между прочим, каждая лента, будь то отставной или загорелый мастер производств, прежде чем поплыть на шведский экран, подвергается цензуре. Но какими же канонами руководствуются шведские цензоры? Шведский зрителя не увидят, например, фильмы о преступлениях германского фашизма. Главный киноцензор г-н Эрнест Скугланд нашел в фильме о самом честном из шведских «законов» места, которые, по его мнению, «могут отрицательно сказатьсь на психике шведского зрителя». Что это за сцены? Суд над гитлеровцами в Харккове, когда казни военных преступников, осужденных Нюрнбергским трибуналом.

Американские боевики с бесконечными боями и разделениями, порнографические драмы отнюдь не прятят акусу шведских блестящий нравственности. Но на правдивый рассказ об ужасах минувшей войны он нападают волны. Логика довольно стренна.

А ведь некий фильм мог бы не

дите портреты Гитлера, паучев черной фашисткой свастикой. На книжных полках, произведения фашистских главарей. Общество пишет омечает день рождения Гитлера. Среди его почетных гостей — наставники вышешибльской гитлеровской юности.

Карлсберг, кстати, в 7 часов вечера, в эти часы, пропитанные нацистской зарядкой, стенах происходит встреча школьников с искусственными проводниками коричневой чумы. Кровавые подвиги фашистов окружаются ореолом романтики. И уж, конечно, ни слова не успышь здесь о газовых камерах Освенцима и Треблинки, о «будах шведов», «Задорье, ярость, страсть» — вот на кануне нацистской при瞄ки повят здесь легковерных юношей.

Шведский дух Карлсберга далеко не единственное место, где шведские нацисты расставили свои канканы. И, видимо, отнюдь не случайно, что именно в шведском городе Мальм свил свое гнездо штаб международной нацистской организации «Европейское социальное движение».

Нет, природа не терпит пустоты.

Однажды вечером мы разговорились со студентами Стокгольмского медицинского института. Обсуждали мы тему о том, что лучше: быть на менее важной для человека, чем хороший бифштекс. Мы вспомнили имена Толстого, Хемингуэя, Чайковского, Грига, Рембрандта... Наш спор кончился совершенно неожиданно. Один из присутствующих спросил: «А кто такой Толстой?» Второй поинтересовался: «Наверняка Чайковский... третий, склоняясь, ни разу не слышал о Хемингуэе».

Наши собеседники, вероятно, вышли из института хорошими врачами, но они не станут образованными людьми в широком смысле этого слова. Этого от них просто не требуется. Странный парадокс — не правда ли, что страны, которая ежегодно веняет лучшим представителям мировой мысли дипломами nobelевских лауреатов!

Да, в Швеции много парadoxов. Но главный лежит на поверхности: неутомимая, слепая, отступающая тгда

к материальному благополучию, жаждя к приобретательству, в жертву которой приносится все, что нельзя купить за деньги.

Картира — холдингник — телевизор — яхта. Таким вехам размечает жизненный путь страсть к приобретению стоя. От великих вещей, от поездок в Африку, Бразилию, Индию, в которых совершаются восхождение к «прощению». Добротные, красивые вещи наполняют жилище. Но сердце их обитателей часто остаются пустыми. В душу не влившихся холдингников. Ее не усыдишь в самый роскошный автомобиль. Ей нужны другая пицца-порки, деревенская моята, высокая цена.

— Честное слово, я чертюски за виду ваши парнишки, которые слят в палатках где-нибудь в Сибири, — сказал мне молодой широкоплечий судоходщик из Етеборга Кнут Нильссен. Им, наверно, даже самы гладиаторы римской империи не могли позавидовать. Потом, что их радиут люди труда. Они знают, для чего работают. А я работаю только за деньги. Мне хорошо платят, и я честно тружусь. После работы я надеваю чистый костюм, сажусь в машину и кчую дома. А вечером мы с женой будем снова считать, сколько нас нужно заработать, чтобы купит купит эти привычные гаджеты.

— кажется, я скоро сойду с ума от такой рабий жизни. Вот наступит лето, устрояюсь матросом на какое-нибудь судно и уйду плывать. Подыщу свежий воздухом.

Кнут, увы, «новый типичен». Большинство его товарищей не раз рассуждают, не задумываются о цене, который оплатят свое мещанско «благополучие».

Сорок лет назад для первенца советской энергетики Волжской ГЭС потребовалось несколько генераторов. Их купили в Швеции — стране, которая всегда считала себя центром мира. Старина, легенд. Эти легенды не померкли и сегодня. Высокозараной Швеции под силу выполнить любой заказ. Только одна конструкции она не может одолеть — генераторы простого человеческого счастья.

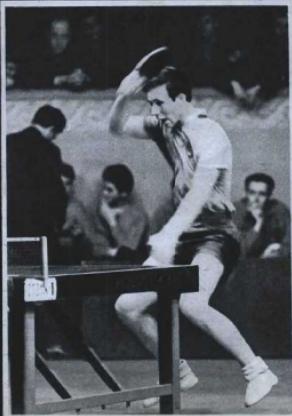
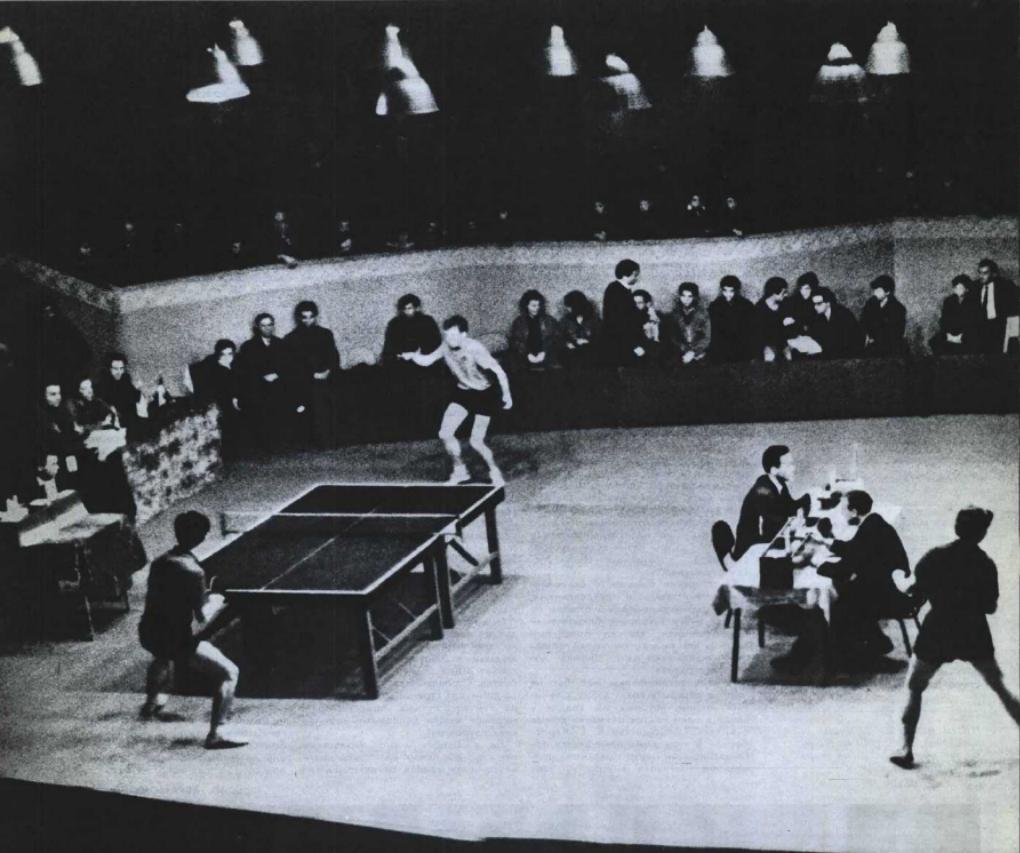
Фото Ю. АБРАМОЧКИНА (АПН)

Неоновая косметика Стокгольма.

экране. Молодой, здоровый парень щетиной домогается взаимности от влюбленной в него девушки. Он и она еще школьники. После окончания школы должны состояться их помолвка. Но парень не хочет ждать. Кто-то из товарищей указывает ему на другую девушку, которая является более полной. Телевизор — стала пора мучений для героянки. Она лишается рассудка и попадает в психиатрическую больницу, где проводят несколько долгих лет. Натурально-исторический показ мучений душевного.

Правы молодежь, ее якусы, ее поведение, ее взгляды на жизнь, пугают взрослых шведов своим откровенным цинизмом.

ЛЮБЛЮ НАСТОЛЬНЫЙ ТЕННИС!

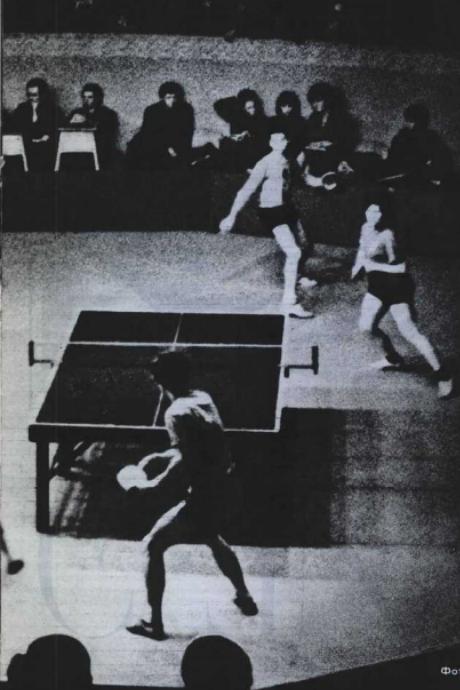

Фото В. САККА

Подросток может сказать: «Когда я вырасту, я стану нижнекамским!» Белым мячиком для настольного тенниса не можешь стать, когда хочешь, и я стану футбольным легионером. Это понимали московские школьники, игравшие когда-то в настольный теннис на сдвинутых партах при помощи самодельных ракеток. Ребята не предъявляли никаких претензий к взрослым: люди заняты делами более взрослыми, чем настольный теннис, и даже более взрослыми, чем футбол.

Ну что ж, портфель вместо сетки или же просто папка, а на нее повешена только что прочитанная газета. В газете, кстати сказать, крупными заголовками о том, что заложена Днепропетровская гидроэлектростанция... Шел 1927 год.

Уже давал ток Волгостроя, учились организовывались мощные колхозы. Уже как бы виделись на горизонте первые автомобили, первая дюжина, челябинские тракторы...

Подросткам, страстью влюбленным в свой настольный теннис, который тогда называли пинг-понгом, нередко казалось, что в гигантских новых цехах, в переплетении дальних межштурфов вряд ли найдется место для маленького белого мячика.

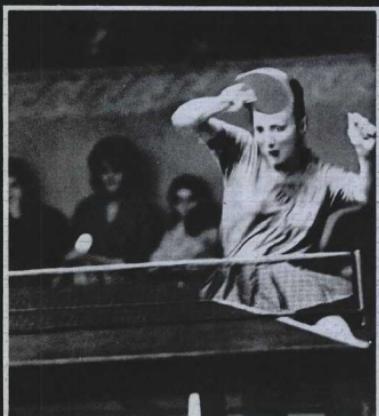
И вот эти годы. Московская заводская окраинаверие, бывшая окраина хорошо знакома мне, былым работникам завода. Сохранились еще здесь временно маленькие домики. Но рядом с ними будто новый город вырос. Широкие проспекты, кинотеатры, учебные, просторные дома. Сохранилась как историческая реликвия башня церкви монастыря. Не выбыли старые, под возвеем их. Рядом с башнями возвышается Дворец культуры.

Завод отдаляет сегодня: воскресенье. Но вот от станции метро к проходной завода бежит группа девушек в спортивных брюках, в рундукомоданных. Девчата спорят в заведском спортзале на соревнования по настольному теннису.

Маленький белый мячик летает над сеткой в разных концах страны: в санаториях черноморских курортов и на берегах могучих Ангары, в Армении и в Прибалтике...

Соревнования по настольному теннису, так же как соревнования по другим видам спорта, стали праздником силы, силы, ловкости, красоты и выносливости. Захватывающая борьба, все многообразие технических приемов, мастерство, хитрость, смелые контрудары, острые блескующие скользящие мячи, опускающиеся по зеркальной поверхности стола — увидишь уже не только на первенствах страны, но и на больших международных встречах, которые проводятся у нас в стране и за рубежом, на первенствах Европы, мира. О силах, которые кажутся мне взлыми и скучными или надобор, яркими, захватывающими, иной раз, силы того же замечая, я говорю терминами своего любимого вида спорта: «Это типичная качка, переникада... А вот у Мависского есть замечательный партер!.. Как любой болельщик, я убежден, что без настольного тенниса жизнь потеряла бы для меня значительную долю радости и красоты. Так пусть и для вас настольный теннис станет любимым видом спорта, а эти фотографии помогут понять его «души».

Люблю настольный теннис!
Екатерина ШЕВЕЛЕВА

ГРАВЮРЫ УКИЁ-Э

илюзии доступна всем. Картина, изображающая привычную обстановку, — что может быть проще? Всё дело в том, чтобы сделать ее привычной. Привыкнуть к вечной неожиданности, которую дарит искусство, научиться пользоваться глазами, как окном в иенсцерпаемый мир прекрасного.

Здесь представлены две репродукции с японскими гравюрами из коллекции Государственного музея искусств народов Востока: «Волна», Кацуки Хокусая (Хокусай) (1760—1849) и «Печальная женщина в Кимоно» Утагавы (1753—1806). Японская цветная траурная на дереве была образцом чисто народного художественного искусства. Оно регистрировало с точностью съемстороя все изменения в социальном укладе. Оно в то же время строго следовало многочисленным условиям канонов и было проникнуто буддийской созерцательностью непрощающей красоты «прекращающего мира».

«Укё-э» — «картины преходящего мира» — под таким названием вошла в японское и мировое искусство школа живописи и деревянной цветной гравюры эпохи Эдо (1600—1868).

В Европе о ней впервые услыхали не более сотни лет тому назад, в период становления импрессионизма, и скоро странные, причудливые эстампы засияли одно из общепринятых и почетных мест в ряду мировых шедевров.

Япония в условиях жесточайшего междоусобинь вырастала удивительное искусство — цветную гравюру на дереве, воспетую в романах таких японских писателей как: театра, портографической писменности (калиграфии) и ремесла.

Зарождение гравюры в Японии относится к середине VIII века, но подлинный расцвет ее и массовое производство в повседневный быт приходится на конец XVII века. Распространение гравюр сыграло существенную роль начала массового чтения и обучения людей иметь в своем доме какие-либо личные буддийские изображения, которые можно было бы в случае проверки предъявить правительственным чиновникам.

Но постепенно японская гравюра меняет свою направленность. Полный неудовлетворенный скорби, чисто буддийский подход к преходящему земному бытию под воздействием аку-

сов горожан, потребителей гравюры, приобретает черты пристального любования неуловимо прекрасным, множественным миром.

Господство феодального уклада в стране, которая вышла из бургужайской революции 1868 года в течение 300 лет была искусственно изолирована от внешнего мира, характеризовалось стремлением к изолированной и самодостаточной жизни. Изображать что-либо касающееся быта высших слоев общества было запрещено. Даже жизни горожан затрагивавшие были рискованно. Но социальной лестнице вне производственных никаких материальных ценностей художники «укиё-э» стояли на самом низу. Их доходы были скромными, а жизнь — тяжела, избухла и ханниана. Из их жизни и брали свои сюжеты мастера японской гравюры, изображая различные сцены в лесесных кварталах и театральных уличных.

Японская гравюра, как и японскому театру, чужда всякая аллюзийность. С этим связано специфическое отношение к символике вещей. Большое значение придается одежду, меняющейся в зависимости от возраста, социального положения и жизненной ситуации. Реальные вещи —

предметы быта — являются одним из важнейших элементов содержания в гравюре. В этом кроется величайшая реалистичность японского искусства.

Понятия чистоты и «рисовать» в Китае и в Японии равнозначны. Обучение и там и там начиналось с обучения каллиграфии.

Японская каллиграфия, будущий художник за этическими изобразительными способами учился видеть зрителям воспринимаемые образы. Искусство изобразительной письменности тренировало и глаз и руку, подводило к живописи, которую древние китайские мудрецы определяли как «стихи без слов».

Как правило, гравюра снабжалась иероглифическим текстом, который облегчал ее любование. Гравюры были комбинированными — перегородчатыми и рисованные композиции подчеркивали достигнутое единство опущения мира.

Японская гравюра отличалась удивительным мастерством выполнения. Это объясняется отчасти и тем, что в ее создании принимали равноправное участие три мастера: художник, гравер и печатник, — целая артель специалистов, достигших вершин профессионализма.

Кансики Хоксай

(Хоксай). .

ВОЛНА.

аки Кансики Хоксай, живший в XVII веке, был японским гравером, известным тем, что он изобретил технику, называемую «волной», которая имела большое значение для дальнейшего развития японской гравюры. Волна на его рисунках изображалась в виде извилистых линий, напоминающих форму волны моря. Техника эта позволяла создавать более реалистичные изображения природы и людей.

аки Кансики Хоксай, живший в XVII веке, был японским гравером, известным тем, что он изобретил технику, называемую «волной», которая имела большое значение для дальнейшего развития японской гравюры. Волна на его рисунках изображалась в виде извилистых линий, напоминающих форму волны моря. Техника эта позволяла создавать более реалистичные изображения природы и людей.

аки Кансики Хоксай, живший в XVII веке, был японским гравером, известным тем, что он изобретил технику, называемую «волной», которая имела большое значение для дальнейшего развития японской гравюры. Волна на его рисунках изображалась в виде извилистых линий, напоминающих форму волны моря. Техника эта позволяла создавать более реалистичные изображения природы и людей.

аки Кансики Хоксай, живший в XVII веке, был японским гравером, известным тем, что он изобретил технику, называемую «волной», которая имела большое значение для дальнейшего развития японской гравюры. Волна на его рисунках изображалась в виде извилистых линий, напоминающих форму волны моря. Техника эта позволяла создавать более реалистичные изображения природы и людей.

аки Кансики Хоксай, живший в XVII веке, был японским гравером, известным тем, что он изобретил технику, называемую «волной», которая имела большое значение для дальнейшего развития японской гравюры. Волна на его рисунках изображалась в виде извилистых линий, напоминающих форму волны моря. Техника эта позволяла создавать более реалистичные изображения природы и людей.

аки Кансики Хоксай, живший в XVII веке, был японским гравером, известным тем, что он изобретил технику, называемую «волной», которая имела большое значение для дальнейшего развития японской гравюры. Волна на его рисунках изображалась в виде извилистых линий, напоминающих форму волны моря. Техника эта позволяла создавать более реалистичные изображения природы и людей.

аки Кансики Хоксай, живший в XVII веке, был японским гравером, известным тем, что он изобретил технику, называемую «волной», которая имела большое значение для дальнейшего развития японской гравюры. Волна на его рисунках изображалась в виде извилистых линий, напоминающих форму волны моря. Техника эта позволяла создавать более реалистичные изображения природы и людей.

аки Кансики Хоксай, живший в XVII веке, был японским гравером, известным тем, что он изобретил технику, называемую «волной», которая имела большое значение для дальнейшего развития японской гравюры. Волна на его рисунках изображалась в виде извилистых линий, напоминающих форму волны моря. Техника эта позволяла создавать более реалистичные изображения природы и людей.

аки Кансики Хоксай, живший в XVII веке, был японским гравером, известным тем, что он изобретил технику, называемую «волной», которая имела большое значение для дальнейшего развития японской гравюры. Волна на его рисунках изображалась в виде извилистых линий, напоминающих форму волны моря. Техника эта позволяла создавать более реалистичные изображения природы и людей.

аки Кансики Хоксай, живший в XVII веке, был японским гравером, известным тем, что он изобретил технику, называемую «волной», которая имела большое значение для дальнейшего развития японской гравюры. Волна на его рисунках изображалась в виде извилистых линий, напоминающих форму волны моря. Техника эта позволяла создавать более реалистичные изображения природы и людей.

аки Кансики Хоксай, живший в XVII веке, был японским гравером, известным тем, что он изобретил технику, называемую «волной», которая имела большое значение для дальнейшего развития японской гравюры. Волна на его рисунках изображалась в виде извилистых линий, напоминающих форму волны моря. Техника эта позволяла создавать более реалистичные изображения природы и людей.

Катагава Утамаро.

ПЕЧАЛЬНАЯ ГЕЙША.

но японского умозрительного любования природой. Как бы мгновенный слепок, казалось бы, случайной, пребывающей картины бытия, при более внимательном рассмотрении оказывается сложным бесконечно разворачивающимся графическим символом.

Первое, что мы видим — это утес и монзунгатского волна, вздымающиеся в море пучино, застывшая перед по-

следующим приливом, превращенным в вселенную. Текущая, вязкая жидкость на вершине гребня словно когти буддийский, приземистый мир жалких человечков, согнувшихся под тяжестью времени, суеты, беспомощности.

Первую вспышку чистоты травы занимает небо, ничем не нарушенное, служащее неким риторическим фоном для струившихся рабиков и неизвратимой горы, не задним плане.

Но, оказывается, мы уже не можем от нее оторваться. Этот застывший конус, и по длине его параллельные спиральные остроги, аспеновые волны слева на переднем плане — и являются логическим и драматическим центром всей композиции. Вторая, перекрецивающаяся с первой диагональю гравюры — двойное, устремленное друг в друга движение лодок и пингвинского вала. Если мы мысленно проведем между

авузы остройими ягодами вертикальную плоскость, то увидим интересную явление: изображение перекрывающихся волн фактически сводится к условному обозначению, начиная с Первого — светлого, активного мужского, духовного (неба, гора и люди-рибаки, мужчины). Второго — темного, пассивного, женского, вещественного (вода, стихия). Это обозначение является символом единства противоположностей жизни и смерти, взаимодействующих в едином, едином слухом (воле) акте природы. И здесь мы снова возвращаемся к горе — единственному статичному, «матеральному» объекту картины.

«Волна» принадлежит к серии гравюр «36 видов горы Фудзи». Такие серии чрезвычайно характерны для японской живописи, когда каждая из них заменяет книгу. Именно гора Фудзи — трансцендентная сила, высвобождающая природу горы, горы высвобождаются от земли и являются ключом к пониманию содержания гравюры.

Фудзи — полюс хаотически перемещающегося мира, оплот стойкости и величия духа, символ спокойствия и мудрости, связующее звено с неизвестными глубинами будущего и прошлого, усиливая контраст между городской величественностью духа и излюблённой мощью славной природы. Здесь сказывается знакомство с европейской перспективой, хотя в основном гравюра построена по законам японской перспективы: чем дальше предмет, тем выше он выходит из плоскости изображения. Эта смисловая насыщенность усиливает драматизм сюжета, но не изображает ему трагического оттенка, который чужд японской гравюре вообще и Хоксай в особенности. Причем в данном случае драматическая напряженность разрывается достаточно тонко: общая гармония картины подчеркивается присущим только ей почти что фальмасским юмором в изображении человека.

«Волна» в высшей степени конструктивна. Даже в совершеннейшем искусстве японской гравюры редко можно встретить такую царственную роскошь в передаче движения, достигнутую с помощью скучных средств: рисунка и цвета. Стремление к письменному эффекту, распределенного в переключающихся патинах темного и светлого тона, как бы повторяясь в каждой части изображения двойственной сущности картины.

Во всплескающем культе прекрасного, как на него часто сказывалась элегантность японской культуры. Женщины всегда играли существенную роль в формировании японского эстетизма. Большинство выдающихся образцов японской литературы создано женщинами. И вот в конце XVIII века певец женских красот Утамаро запечатлевает неподражаемую изящность своего объекта.

«Печальная гейша», сидящая во фоне легких бамбуковых ширмы — лепестков лотоса, брошенный на конвейер замершей на мгновение жизни. Случайность, совершенное изображение, которой делает ее существование бесконечным. Какой же должна быть женщина, чтобы в ее теле могла быть обладать художник, чтобы в ее глазах, блестящий с пота горя увидеть этот неподражаемый миг внезапной задержки маячившего пробы бытия!

Вертикальная стойка вместе с курильными принадлежностями в правой части картины — веха, начало отчета, — тут же другое, по мере наклонения движение предмета в левый угол гравюры: вспышка японской фигуры, согнутой ноги, фрагмент двери деревянного бруска и отброшенной геты и бамбуковой ветви, веера и испадающей ласенки нероподов. Благостный порыв, дыхание вечности, поэтическая красота женщины существует в обрамлении мертвых матерей.

Основной же опорой композиции служит задумчивый и печальный краю дощатого выступа террасы. Принадлежание этого взгляду новой и инова заставляет нас возвращаться к лицу девушки и к ее прическе. Однажды ширинки волос начинают звать к музикальной лейтмотиве. Он словно сопровождает процесс зрительного восприятия линий чудесного рисунка.

Пропорции облеченные в нежно-пурпурное кимоно женской фигуры также подчинены общему, почти иконописной плавучести, влюблению в поток, в свою волнистость контуров и всплески материи.

Попытавшиеся одомашнить японской граворой, уже невозможно заставить эту нежность рядом срезанных линий, застывших в неповторимом рисунке.

ДМИТРИЙ СИЛЬВЕСТРОВ

СМЕНА 29

окуперация — это звучит гордо! Конкурентная борьба — кулацкая американская экономики, волшебное слово, мобилизующее силы и энергию каждого выдающегося представителя любой отрасли бизнеса.

Что касается меня и моих компаний, Джека и Бьюка, наше знаменитая фирма «Американские похитители и К°» никогда не имела никаких конкурентов. В искусстве похищений мы превзошли даже фантастическую изощренность. Когда мы испытывали похищения, то у нас не оставалось ни следов ног, ни отпечатков пальцев. А похищенные мы могли любого, если, конечно, мероприятие приносило приличный доход.

Многие пытались нам подражать, однако никому не удалось хотя бы немножко приблизиться к нашему уровню, недостижимому уровню мастерства своего дела, парней из фирмы «Американские похитители и К°».

Мужчина себе представил мое состояние, когда однажды и узнаю о возникновении еще одного подобного предприятия, расположенного недалеко от досточтимых коллегиумов денег, людей и амбиций, чтобы начать конкурировать с нами. Шеф конкурирующей фирмы я встретил во время своей ежедневной прогулки по парку. Звали его Барни Блю.

Буш! — обратился ко мне Барни Блю, — я уже давно со восхищением наблюдал за деятельность вашей фирмы. Вы работаете классически. Тщательное изучение вашего опыта напомнило меня о смелую мысль достичь такого же уровня или превзойти его!

— У нас в стране полная свобода конкуренции, — сказал я. — Если ты собираешься начинать собственную компанию, конечно, не могу тебе помешать. Но почему тебе, почему ты хочешь соперничать именно с нами. Ведь куда легче тебе будет работать в другой области экономики: взаимозамыкаясь с фирмами, например, шантажировать директоров больших фирм, выманивать деньги у богатых старух...

Он засмеялся, но какими-то несчастливым смехом.

— Не нравится, что я отбиваю у тебя хлеб? Да, до сих пор ты и твои компании вели безбедную жизнь. Но удивительно, что вы боитесь конкуренции. Буш, давай тебе я покажу, каким образом мы можем превзойти твою фирму и заставить ее склоняться перед нами!

Я внимательно рассмотрел и сделал вид, будто мне все напомнили. Но на душе у меня копни скребли. Что правда, то правда: жили мы пропастью и из-за полного отсутствия конкуренции разлинялись, стала работать без выдумки. А от Барни Блю можно было всего ожидать. Собрал я ребят на совет.

— Слушайте, — говорю, — мы должны показать Барни Блю и его людям, где рацик зумуют. Нужно обстрелять такое похищение, чтобы у конкурентных фирм глаза на лоб полезли, чтобы каждый жулик очумел от страха, а каждый порядочный человек — от страха. За работу, маленький!

Запомни, — сказал Джек, а у Бьюка даже глаза загорелись. Золотые рабы, трудолюбивые и хлебоядные в своем деле!

— Кого похищаем? — спросил Бьюк.

— А ты попробуй мозгами и скажи мне сам, кто самый богатый человек в мире?

— Быть этого не может! — звонко истерзанный Джек.

— Побольше бы у тебя имелось для них в виде Г. Г. Гриффена, миллиардера и проститутки. Бьюк, полный самых мрачных предчувствий.

— Да, — с гордым и высокомерным видом произнес я, — это должен быть Г. Г. Гриффен. Клиент понял проблему: не решит.

— Но ведь это невозможно! — развелся Джек. — Неизвестно, чего у этого типа больше: денег или подозрительности. Он ездит в бронированном автомобиле, а люди из его охраны силой не уступают неандертальцам, а меткостью — героям ковбойского фильма.

ПОХИТИТЕЛИ И К°

Дональд Хониг

Я тщательно ухмыльнулся:

— У Г. Г. Гриффена тоже есть свои слабые места. Например, он обожает представителей высшего общества, аристократию.

— Ничего у нас не выйдет, — грустно покачал головой Джек.

— Выходит! — закричал я. — А когда он будет в наших руках, стребус с него пять миллионов выпукла. И мы получим их! Гриффен откажется платить миллионов так же легко, как выговориться. Он их отнесет за счет расходов на рекламу, получит сознательное избавление от налогов и будет опять в деле.

— Но для чего добывать? — продолжал убийца Джек.

— У меня уже готов план, — сообщил я. — Чудовищная наглость Барни Блю подстегнула мои умственные способности. Никогда еще в мозгу представителя нашей отрасли не рождалась идея, подобная моей! Слушайте и запоминайте: послезавтра Г. Г. Гриффен отправляется на благотворительный благославленный в поисках слаборазвитых стран. Это я узнал из вечерних газет. — В этом месте своей речи я торжественно повысил голос. — Малчики, упражняйтесь в твисте и готовьте костюмы: мы идем на базу.

Наш капитан Гарри с соседней улицы, занимавшийся подделкой документов, слал нам хищные билеты. Был установлен в один из тех огромных вилл на Лонг-Айленд, где гостинные размерами соперничают с футбольным полем. Только представители самого высшего обще-

ства получили приглашения на этот маскарад. С расположением комитета мы ознакомились уже заранее: боги благосклонны к предусмотрительным людям, это знает каждый, кто знаком с античной литературой и искусством похищений. Очередь была на костюмы. Бьюк нарядился пещерным жителем: звериная шкура на бедрах, руки в дубинах. Джек оделся в золотистый костюм, короткое платье баковграда, зловонный вон в несколько блескующих цепей, вымученных наизусть. Я с присущим мне смехом оставил свой выбор на kostume из первого президента Соединенных Штатов.

Около половины десятого мы смигались с толпой, заполнившей зал, весь сверкающий от множества драгоценных украшений. Здесь были миллиардеры и губернаторы штатов, принцы и принцессы из стран, называния которых известны только филателистам, представители золотой молодежи, актеры. Уолл-стрита и Бродвея, а также скромные рабочие из кирпичной мастерской. Тут был представлен золотой историей человечества: я обмылся рукопожатием с Оливером Крамвильем, Тэлботом, Нанонегоном — Наполеоном было целых три штуки, — раскланялся с Клеопатрой и так далее.

И, наконец, я увидел Г. Г. Гриффена собственной персоной. Он прыгал сквозь костюм Цезаря, точно говорил, в костюме маленького пузатого Цезаря с двойным подбородком.

— Ах, Цезарь! — весело заявили я по-латыни.

— Вы отгадали, кто я изображаю? — обрадовался Гриффен.

— Нет, — язвил я.

— А я кто? — спросил он.

— Президент Джордж Вашингтон.

Так началась наша беседа. Заговорив старик Гриффен зубы, я попытко оттряхнул его с бахромой двери. А за этой дверью стоял совершенно случайно забредший сквозь некий пещерный человек с дубиной в руке.

— Ага, — пронесся со своим желчным юморком Гриффен, увидев пещерного человека, — а это, конечно, костюм представителя профсоюзов! — И протянул руку для приветствия. Но пещерный человек, не говоря худого слова, чухнул его по голове дубиной — и вот уже Г. Г. Гриффен пронзился на полу.

Теперь же дело взялось я. Еще днем мы спрятались на бахроме спиртного, в котором были запакованы медведи-шкуры, склонившись кипящающимися на «молнии». Бьюк развернулся широку, а магната туда еще не проник. Гриффен и я склонили шкуру. Бьюк перекинул ею, как мешок, через плечо и вышел вслед за мной в зал.

— Минуту внимания! — обратился я к удивленной публике. — Вот идет президент Вашингтон, а за ним выступает символ монди США субтильным русским медведем на плечах.

Восторгом не было конца. Под смех и аллюдисменты всего зала мы прокрашивались до самого выхода. Подъезд уже ждал машина, лорд Вайброн сидел за рулем. Бьюк втащил медведя на заднее сиденье и уселился рядом с ним. Мы медленно тронулись в сторону железных ворот, где стоял Гриффен. Гриффен и я склонили шкуру. Бьюк перекинул ею, как мешок, через плечо и вышел вслед за мной в зал.

В маленькой, великолепно замаскированной лесной сторожке мы устроили свою штаб-квартиру. Когда мы вынысили на машину набитого медведя, внутри него что-то шевельнулось. Г. Г. Гриффен наивысшая не имел никакого понятия, что с ним произошло, — да и кто из нас подготовлен к тому, чтобы проснуться в медведевой шкуре? Несмотря на это, он сразу принял кричать на нас визгливым голосом человека, привыкшего командовать целыми стадами генеральных дирек-

торов, таубами просто директоров и косыками шефов нефтеносных районов, из тех, что поинже рагом. Но мы к такому обращению не привыкли. Был немедленно скажал медведь, чтобы тот закрыл пасть. И действительно, Григтен замолчал, словно ему в рот воткнули затычки. Мы занялись в спальне спустили с него пижаму. Григтен взглянул на изящную белую избушки, на нас, все еще одетых в маскарадные kostюмы, и спросил:

Что со мной? Может, я в сумасшедшем доме, а может, я сижу в машине времени?

Тут мы сказали, что к чему: клиент еще не пришел в себя после удара дубиной. Поэтому я вежливо ответил:

— Ничего подобного, мистер Григтен. Мы были с вами на благородительном балу, а теперь вы наши гости. Вал окончен, и сейчас вы переживаете потрясающее по своему величию минуту.

Григтен поклонился и сказал Г. Г. Григтену:

— Вам совершенно правы, — продолжал он, — Но мы привезли вас сюда отнюдь не в качестве четвертого партнера для игры в бридж. Спешу сообщить вам, что мы гангстеры, готовые на все, и не хотимемся даже перед убийством. Сядьте, пожалуйста, побудьте, поговорим. Весь этот скандал — поскольку ваши же определением — не продлится сколько-нибудь времени. Собственно, срок завершения от вас, от степени нашего сотрудничества с нами.

— Сотрудничество?! — прохрипел он. — О чём вы говорите? — И возмущенным жестом запахнулся в императорскую тогу.

— Мы хотим обменять вас на пять миллионов долларов, а одновременно сделать ваши ими бесмертными не только на наши финансы, но и в области криминалистики: ведь это главное действующее лицо звездного положения нашего времени. Да-да, мистер Григтен, вы вошли в историю.

О диво! Григтен вместо того, чтобы поблагодарить нас, продолжал кипятиться:

— Вам это так не пройдет, мистер, мистер...

— Вашингтон, — подсказал я.

К черту Вашингтона! Вы не имеете права так обращаться со мной. Я не напугрился, чтобы мои ими трепали в связи с подобной аферой!

Плевал и на то, что это глупость.

Сподвижник Григтена, Гарри, в холодильнике набухалы сосиски и пиво. Может, это не такой ужас, в пакету мы привезли, но если вы присоединитесь к нашему общству, мы будем счастливы.

Григтен буркнул что-то, предполагающее означать, что головную смерть от предложенного нашей компании. А мы с аллегитом пошли и переделились в свое обычное платье. Как и следовало ожидать от человека с таким финансовым и общественным положением, Григтен оказался неврастеником. Всем был недоволен, беспокорно ругался, бегал по комнатам, требовал, чтобы мы позвонили ему адвокату. И только когда Бык побоялся, что он вскоре забудет, что с ним произошло, он заставил пластик, он начал вести себя спокойно. Потом мынула спиральная сна, а мы стояли по очереди на ванте, потягивая пивко и чистые побоища.

— Да, Барни Бэлло такой номер даже в голову не пришел бы! — гордо произнес я. — Присядьте, умоляю вас распустить свою лавочку и обратиться ко мне по наиму, чтобы честным трудом зарабатывать на хлеб!

Утром мы разбудили Г. Г. Григтена, почесавши его кофе, после чего я вежливо спросил:

— Так к кому надо обратиться на предмет пяти миллионов выкупа?

— Этого я от меня не узнаете, — искривив рот Григтен.

— Мистер Григтен, — сказал я тогда, придавая своему лицу самое мрачное выражение, — в подвале нашего дома есть комната пыток, оснащенная полным ассортиментом необходимых орудий, начиная от

плоскогубцев для вырывания ногтей, дымы, плетки-семихвостки и кончаками запиленными на магнитофонах рекламами передачами американского телевидения. Если вы будете вести себя нелояльно и мешать нам в нашем труде, то благородное дело, мы будем вынуждены продемонстрировать вам наше мастерство и омерзительные черты своего характера. Так что прошу отвечать на мой вопрос.

Он вздохнул. Отличное упоминание магнитофонных записей произвело должное впечатление.

— Позвольте моей жене, миссис Хильдегард Григтен, — промзлез он с явной неохотой. — Вот номер телефона. Она одна распоряжается ключами от сейфа, где лежат наличные.

— Она у вас как, истерическая особа?

— Где там! Холодна, как лед.

— Ну, это же наша наша указания?

— Если унашет, что от этого будет зависеть моя жизнь и свобода, думало, выплюнет.

Я тотчас поспешил в ближайший городишко и закрылся в телефонной будке, чтобы за десять центов стать обладателем пяти миллионов долларов. Набрал номер, жду. никто не подходит. Набрал еще раз, жду пять минут, доспел. Так ни с чем и вернулся в нашу сторону.

— Что за номер у вас миссии? Размер вашего воротничка?

— Это номер личного телефона моей жены!

— У вас какой степени личного, что никто не снимает трубку!

— В этом нет ничего удивительного: жена могла пойти на теннис или к косметичке.

— А жена не беспокоит, что вы до сих пор не вернулись?

— Нет. Человек моего положения должен днем и ночью заботиться о своих делах. Я часто ночую вне дома.

В течение этого трагического дня я еще несколько раз ездил в городок и пытаюсь дозвониться до миссис Григтен. Все было напрасно. Это было поздно, и она не отвечала, и начал первичночать. Человек такого веса, как Григтен, не может иненено исчезнуть, не вызвать беспокойства целой армии подчиненных и партнеров по бизнесу. Если кому-нибудь придёт в голову, что Григтен психиатр, то разверзутся пекло и поглотят нас со всеми потрохами.

— Ваша супруга не была вместе с вами? — спросил я.

— Нет, она не выносит таких различий. Я был, однако, очень рад, если бы они связались с ней и положили конец всей этой истории. Мне явно наело сидеть в этой ужасной халупе.

Но я не слушал.

— Согласна или нет? — сказала я Джеку. — Если вам не удастся отыскать супругу Г. Г. Григтена, мы вынуждены будем его отпустить. Вечером он должен уже быть в своей каютке, иначе на нас сползнутся полиция, ФБР, армия, военно-морской флот, авиация и сам президент.

Тервасиэй дурманами предчувствиями, поехал я в город, по дороге репетиции речи, с которой обращусь к миссис Григтен.

«Миссис Григтен», — сказывал я ей, — прости, вам не волюются и скрывают в тайне содержание нашей беседы. А сейчас возьмите, пожалуйста, с собой пакетик, в который я положил пять миллионов долларов. Как только деньги будут доставлены в установленное место, ваш супруг целиком возвращается домой.

«И ничего не сказал миссис Григтен. Ее не было дома.

Единственной наградой за мон вымбронные центы были звучные длинные гудки в трубке. Я ушел, хлопнув дверью телефонной будки.

— Мистер Григтен, — меланхолично произнес я, приехав домой, — вы свободны. Возвращайтесь к своим делам, к своим горячо любимым нефтяным вышкам.

— А что я могу? — живо воспринял он.

— Мне кажется, я выразила достаточно ясно: идите домой. Надеюсь, вам здесь понравилось. Порекомендуйте нам своим друзьям.

Он даже не попрощался. Мы смотрели, как он шел через сад, по лестнице тропинке, пока не скрылся за повтором.

— Плакали наши пять миллионов долларов, свободных от налогов и финансовых отчетности, — сказал я своим компаниям, которые были подделаны случайними и не меньше моего. — Все прошло, потому что эта керрика баба, эта Григтенка, не слышала трубку! Если бы она понимала значение парикмахера и от корнейных сплетен с мадам Рокфельдер, если бы хоть раз сказала «хлоп», деньги были бы у нее в карманах!

— Это самый страшный день в нашей жизни, — посетовал Джек, и я не стал воспроизводить ему.

В одном лишь нам повезло. Мистер Г. Г. Григтен, не желая видеть свою светловолосую ими странницу гостей в полном сочетании с наименем фамилии, решил спрятать ее в подвале. Мы тоже молчали: во ванных комнатах было, чтобы изогнуться, а ум особенно Барни Бэлло, умел пять миллионов долларов унести в макушку под мышкой.

Джек, Бык и я были так потрясены этой дикой историей, что начали серьезно подумывать о ликвидации фирмы.

Отправились я в контору по наиму, чтобы подсыпать себе какую-нибудь работенку, и здруг встретил там моего соперника и свободного, конкурента Барни Бэлло.

— Как дела? — спрашивал он занискающе, а у самого вид позлой, как будто он был на голодающем бегемота. — Знаешь, Буш, я решил переквалифицироваться.

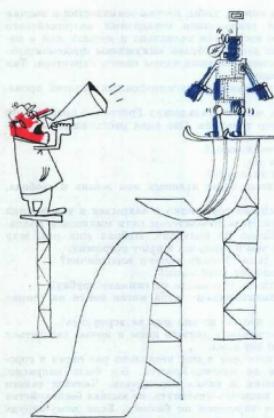
— Это почему? — изумился я.

— Мы придумали подгравший номер, да ничего у нас не вышло. Видно, опыта не хватило. До сих пор не поймал, в чём наца ошибка... Дело было так: мы похитили жену самого богатого человека в мире Г. Г. Григтена. Все это прекрасно, только никак нельзя было довериться до ее супруга, чтобы получить с него пять миллионов выкупа. День и ночь мы на телефоне висели, — вздохнул он отчаянно, — не могу гуру отпустить.

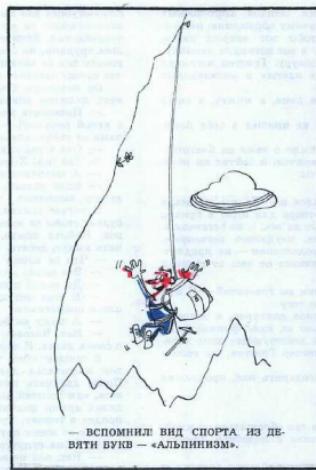
— Я тоже не понимаю, Барни, — сказал я и ушел в обморок.

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

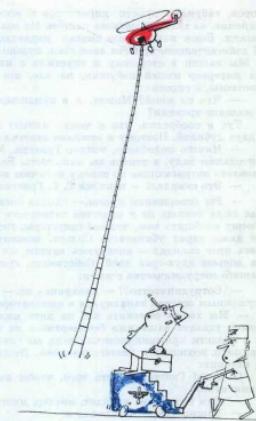
Перевод З. РОГОВА

— И НЕ ЗАБУДЬ ЧЕРЕЗ СТО МЕТРОВ ВКЛЮЧИТЬ СИСТЕМУ МЯГКОЙ ПОСАДКИ.

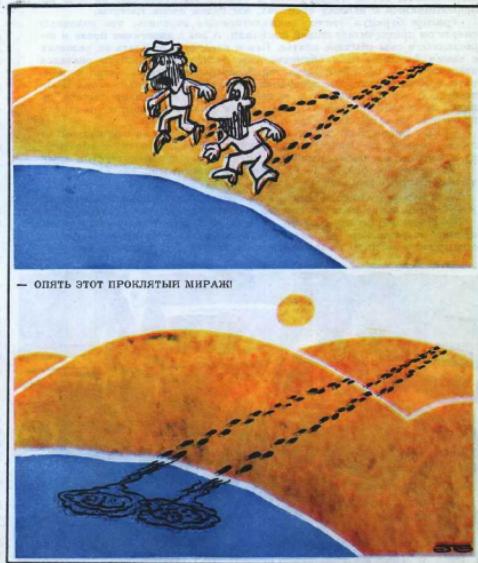
— ВСПОМНИЛ ВИД СПОРТА ИЗ ДЕВЯТИ БУКВ — «АЛЬПИНИЗМ».

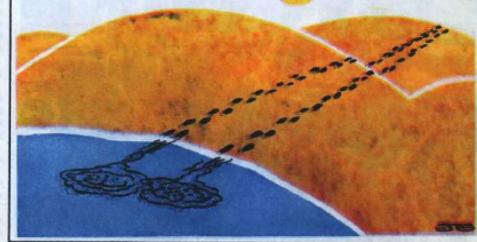
Рисунки В. АРСЕНЬЕВА и В. ЛАЗОВСКОГО

Первая страница обложки:
Молодой архитектор ГИПРОГОРа Влади-
мир ВЫБОРНЫЙ. Фото В. САККА

— ОПЯТЬ ЭТОТ ПРОКЛЯТЫЙ МИРАЖ!

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:

Для спрашив.: 1-30-97; отдел литературы и ис-
кусств — Д 1-32-97; отдел сценария и публицистики — Д 3-31-03; международной жизни — Д 3-31-50;
кино — Д 3-30-97; спорта — Д 3-36-97; лите-
ратуры и науки — Д 1-04-10; студен-
ческой молодежи — Д 0-49-98; информации —
Д 1-04-10; оформления — Д 0-29-39.

Главный редактор В. И. Самохин.
Редколлегия: К. К. Андреев, В. Н. Гинчев,
А. Д. Голубев [заместитель главного редак-
тора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замошкин,
Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров,
Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов,
А. Б. Стуков [главный художник].

Рукописи не возвращаются.

Художник-оформитель В. Соколов
Технический редактор Н. Будкина

А 10242. Подписано к печати 1/IV 1966 г.
Формат бум. 70 × 108½'. Печ. л. 4. Усл. печ. 5.6.
Тираж 1 000 000. Изд. № 726. Заказ № 900.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

НЕ ВЫТИ...

Слова Владимира СЕРГЕЕВА
Музыка Юрия ЧИЧКОВА

Помню город, окнами расцвеченный,
Гасят звезды в синей глубине.
Вечер полон, полон песнями и встречами.
Ты спешишь, спешишь, спешишь, спешишь
ко мне.

Припев:
Не могу я ответить за нас двоих,
Только мне на моем пути
Не от глаз твоих, не от рук твоих,
не от губ твоих
Не уйти.

Молодость шальная виновата ли,
Что одной не стали мы семьею,
Или просто, просто так и не сошватали
Звезды, звезды, звезды, звезды нас с тобой.

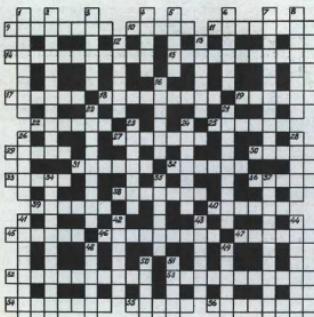
Припев.

Нам теперь с тобой и не отважиться
Выйти в жизнь тугим ветрам назло,
И тебе, тебе порою даже кажется,
Будто, будто, будто, будто повезло.

Припев:
Не могу я ответить за нас двоих,
Только мне на моем пути
Не от глаз твоих, не от рук твоих,
не от губ твоих
Не уйти.

Темп вальса.

По горизонтали:

г. Кадникова.

КРОССВОРД

Составил З. НОЗОЛОВ

По вертикали:

9. Металл. 10. Озеро в Приморском крае. 11. Русский астроном, академик, один из первых изобретателей кислот. 15. Краевой центр РСФСР. 17. Источники певческих голосов. 19. Планета. 22. Единица длины. 25. Герой поэмы А. С. Пушкина. 27. Опера В. И. Муралова. 29. Птицы, приводящие в движение коры покоящихся либон. 31. Парусный моряк. 32. Металл, наименование которого связано с темой плавания на нем. 33. Птицы, обитающие на берегах водоемов. 34. Медицинское применение различных металлов. 35. Правильный минерал. 36. Ручной инструмент для обработки камня. 39. Камень. 40. Смесь воды и грунта, получаемая при производстве работах гидравлическим способом. 45. Басни И. А. Крылова. 46. Животное, выносящее кустарники. 47. Балет А. Адана. 52. Инженерные сооружения, механизмы, сооружения. 53. Советский завод, выпускающий различные турбины. 55. Химический элемент. 56. Частница света. 58. Одежда космонавта.
1. Русский поэт XIX века. 2. Хвойное дерево. 3. Разговор между несклонными лицами. 4. Красивый цветок. 5. Город в Эстонии. 6. Горнопромышленное предприятие в Краснодарском крае. 7. Участок полопом. 8. Единица частоты колебаний. 12. Гараж для автомобилей. 13. Центральный Азия. 15. Томо. 14. Гранитная скала. 16. Ответ. 18. Эсминец. 21. Эздоров. 22. Казань. 23. Краснодар. 24. Краснодар. 25. Башкирия. 26. Овраги. 27. Краснодар. 28. Волнистый. 29. Острая. 30. Актриса. 31. Гагарин. 32. Краснодар. 33. Ильин. 34. Гитарист. 35. Григорьев. 36. Метагалактика.
5. «Интернационал». 6. Командир. 7. Платоний. 8. Краснодар. 9. Гранитная скала. 10. Казахстан. 11. «Комсомольская». 12. Шедевр. 13. Днепропетровск. 14. Гранитная скала. 15. Белая глина. 16. Шелковичка. 17. Казахстан. 19. Малхит. 20. Овраги. 22. Краснодар. 23. Гагарин. 25. «Смена». 27. «Сметана». 31. Волнист. 32. Анданте. 36. Габес. 37. Шиппа.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 7

По горизонтали:

1. «Синий». 2. Венгер. 3. Поганки. 4. Флаг. 5. Политина. 7. Мистраль. 8. «Комсомольская». 11. «Шедевр». 12. Гранитная скала. 13. Днепропетровск. 14. Гранитная скала. 15. Белая глина. 16. Шелковичка. 17. Казахстан. 19. Малхит. 20. Овраги. 22. Краснодар. 23. Гагарин. 25. «Смена». 27. «Сметана». 31. Волнист. 32. Анданте. 36. Габес. 37. Шиппа.

По вертикали:

1. «Синий». 2. Венгер. 3. Поганки. 4. Флаг. 5. Политина. 7. Мистраль. 8. «Комсомольская». 11. «Шедевр». 12. Гранитная скала. 13. Днепропетровск. 14. Гранитная скала. 15. Белая глина. 16. Шелковичка. 17. Казахстан. 19. Малхит. 20. Овраги. 22. Краснодар. 23. Гагарин. 25. «Смена». 27. «Сметана». 31. Волнист. 32. Анданте. 36. Габес. 37. Шиппа.

БОЛЬШАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛОТЕРЕЯ

Прошедшая в 1964 году первая Всероссийская художественная лотерея пользовалась большим успехом у населения.

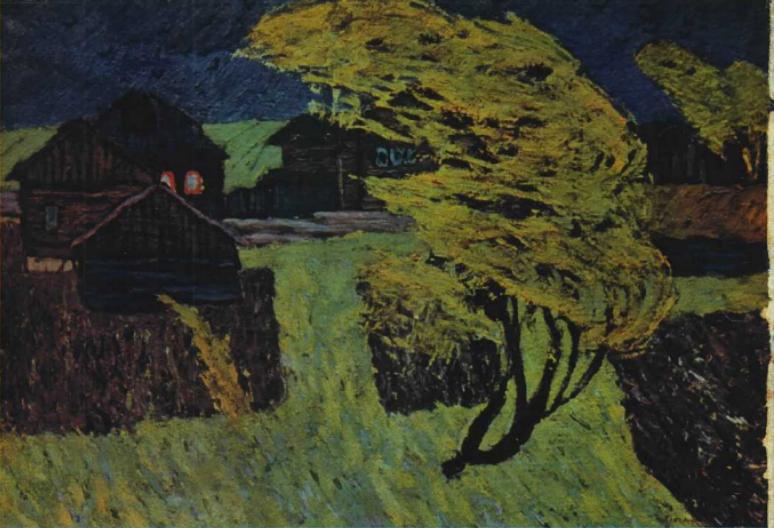
В июне нынешнего года состоится вторая лотерея.

Количество выигрышер увеличивается с 20 тысяч до 200 с половиной тысяч, возможность выигрыша возрастает в 6 раз.

Б. КЕЛЬБЕРГ. СЕВЕРНАЯ ЧАСOVНЯ.

**Картинки, которые будут
разыграны в лотерее:**

В. КОКУРИН. ВЕТЕР.

Ю. МАТУШЕВСКИЙ. СИРЕНЬ.

В ЧИСЛЕ ВЫИГРЫШЕЙ:
издания известных художников народного и советского искусства, живописные произведения графики и настенных сценографий, художественные изделия из фарфора, стекла и керамики, изделия из дерева, тканей, ковров и ювелирных изделий;

таблицы современной мебели и декоративного убранства нового интерьера;

книги о крупнейших мастерах и резцах и национальных альбомах изобретений, комплекты художественных открыток, некоторые позолоченные медали, отмечавшие развитие советского изобразительного искусства и его выдающихся произведениями;

искусственные цветы из полимерных материалов для поставок в Москву, Ленинград, Киев, столицы прибалтийских республик, для организаций культуры и изобразительных музеев и художественных музеев;

ЛОТЕРЕЙНЫЕ БИЛЕТЫ ПРОДАЮТСЯ в сберегательных кассах, в залах Художественного фонда, в магазинах книгорога, иносказ «Союзпечати», кассах художественных музеев и выставочных залов, в театрально-прокатных кассах и Домах культуры.

Цена билета — 50 копеек.
Столото выигрыша до 1 000 рублей.

Н. КОЖАНОВ. РАКИ.

